

НА СТРАЖЕ ЗАКОНА

2025
№ 4 (12)

Научный журнал «На страже закона». Научный журнал учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Зарегистрирован в качестве средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 21 марта 2023 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-84871

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета

Стельмах В.Ю., д.ю.н., доцент

Члены редакционного совета:

Давлетов А.А., д.ю.н., профессор;

Балахшин В.С., д.ю.н., профессор;

Сабанин С.Н., д.ю.н., профессор;

Спирин А.В., к.ю.н., доцент

Тепляшин П.В., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гусев А.В., к.ю.н., доцент

Заместитель главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Аюпова Г.Ш., к.ю.н., доцент;

Веденин Д.В., к.ю.н.;

Виноградова О.П., к.ю.н., доцент;

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент;

Дерюгин Р.А., к.ю.н., доцент;

Расулова Н.С., к.ю.н.;

Титов П.М., к.ю.н.;

Чернышев Д.Б., к.ю.н.;

Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь *Кудоярова Г.Р.*

Редактор *Бebих И.Б.*

Переводчик *Гузикова В.В.*

Федеральный научный журнал «На страже закона» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2023 года и издается ежеквартально.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург,
ул. Корепина, 66. Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2949-2696

Подписано в печать 29.12.2025. Формат 60х84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 30 экз. Заказ № 86

Дата выхода в свет 30.12.2025. Свободная цена

© Уральский юридический институт МВД России, 2025

ENFORCEMENT

The Scientific Journal «Law enforcement». The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation». Registered in mass media by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, registration date: March 21, 2023, registration number: PI FS77-84871

Editorial Council:**Chairperson of the Editorial Council**

Stelmakh V.Yu., dr. of law, associate professor

Members of the Editorial Council:

Balakshin V.S., dr. of law, professor;

Davletov A.A., dr. of law, professor;

Sabanin S.N., dr. of law, professor;

Spirin A.V., cand. of law, associate professor

Teplyashin P.V., dr. of law, professor

Editorial Board:**Chief Editor**

Gusev A.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Board:

Ayupova G.SH., cand. of law, associate professor;

Vedenin D.V., cand. of law;

Vinogradova O.P., cand. of law, associate professor;

Golubykh N.V., cand. of law, associate professor;

Deryugin R.A., cand. of law, associate professor;

Rasulova N.S., cand. of law;

Titov P.M., cand. of law;

Chernyshev D.B., cand. of law;

Schetinina N.V., cand. of law, associate professor

Executive Secretary *Kudoyarova G.R.*

Editor *Bebikh I.B.*

Translator *Guzikova V.V.*

The Federal Scientific Journal «Law enforcement» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches by specialty 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences), materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2023 and is published quarterly.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house / printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, ul. Korepina, 66.
Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru
Website: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2949-2696

Signed in the press on December 29, 2025.

Format 60x84 / 8 Offset printing. Office paper.

Usl. Printer. L. 8.0. Uch.-ed. L. 8.0 Edition 30 copies.

Order No. 86. Date of publication on

December 30, 2025. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ КРИМИНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ

<i>Веденин Д.В.</i> О влиянии введенных в Вологодской области ограничений на розничную продажу алкогольной продукции на показатели преступлений и правонарушений	5
<i>Искакова К.О., Шапошникова Н.С.</i> Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения преступлений, совершенных с помощью методов социальной инженерии	13
<i>Макеева И.С.</i> Основные направления деструктивного воздействия (личность, семья, общество, государство) как элементы общественной опасности деятельности деструктивных религиозных организаций	17
<i>Черняков С.А.</i> Об актуальности анализа социально-биологических факторов формирования личности преступника	25

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

<i>Щетинина Н.В.</i> Некоторые проблемы квалификации уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений	29
<i>Хромов Е.В.</i> Обман в цене	37

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

<i>Делль Д.А.</i> Некоторые особенности рассмотрения судом жалоб участников процесса на решения, действия (бездействие) органов уголовного преследования	41
<i>Пантелеев И.А.</i> Соотношение интересов пострадавшего и лица, подозреваемого в совершении преступления, при назначении и производстве пожарно-технической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела	47

CONTENTS

THEORY OF CRIMINOLOGY AND PROBLEMS OF THE FUNCTIONING OF THE CRIME PREVENTION SYSTEM AND ITS TYPES

<i>Vedenin D.V.</i> On the impact on crime and delinquency rates of restrictions imposed in the Vologda Oblast on the retail sale of alcoholic beverages	5
<i>Iskakova K.O., Shaposhnikova N.S.</i> The use of artificial intelligence to identify and prevent crimes committed using social engineering methods	13
<i>Makeeva I.S.</i> The main directions of destructive impact (individual, family, society, state) as elements of the public danger of destructive religious organizations' activity	17
<i>Chernyakov S.A.</i> On the relevance of the analysis of socio-biological factors of the criminal's personality formation	25

THEORY OF CRIMINAL LAW AND THE PROBLEMS OF MODERN CRIMINAL LAW

<i>Shchetinina N.V.</i> Certain Issues of the Legal Qualification of Evasion from Administrative Supervision or Repeated Non-Compliance with Court-Imposed Restrictions Established in Accordance with Federal Law	29
<i>Khromov E.V.</i> Price deception	37

CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINAL TRIAL

<i>Dell D.A.</i> Some features of the court's consideration of complaints from participants in the proceedings against decisions, actions (inaction) of criminal prosecution authorities	41
<i>Panteleev I.A.</i> The Balance of Interests of the Victim and the Person Suspected of a Crime in the Appointment and Conduct of a Fire-Technical Expertise at the Criminal Case Initiation Stage	47

When reprinting or reproducing in any way, in whole or in part, materials of the journal «Law enforcement» reference to the journal is obligatory.

ТЕОРИЯ КРИМИНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ

Научная статья

УДК 343.97

О влиянии введенных в Вологодской области ограничений на розничную продажу алкогольной продукции на показатели преступлений и правонарушений

Веденин Дмитрий Витальевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,

dv_1973@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается значение состояния алкогольного опьянения для уголовной и административной ответственности. Автор сравнивает показатели преступлений и правонарушений в Российской Федерации и Вологодской области до и после введенных в регионе ограничений на розничную продажу алкогольной продукции.

Ключевые слова: алкогольное опьянение, уголовная и административная ответственность, статистические показатели, ограничения на розничную продажу

Для цитирования: Веденин Д. В. О влиянии введенных в Вологодской области ограничений на розничную продажу алкогольной продукции на показатели преступлений и правонарушений // На страже закона. 2025. № 4. С. 5–12.

Original article

On the impact on crime and delinquency rates of restrictions imposed in the Vologda Oblast on the retail sale of alcoholic beverages

Vedenin Dmitriy V.

Ural Law institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,

dv_1973@mail.ru

© Веденин Д.В., 2025

Abstract. This article examines the importance of alcohol intoxication for criminal and administrative responsibility. The author compares the indicators of crimes and offenses in the Russian Federation and the Vologda Oblast before and after the restrictions imposed in the region on the retail sale of alcoholic beverages.

Keywords: alcohol intoxication, criminal and administrative liability, statistical indicators, restrictions on retail sales

For citation: Vedenin D. V. On the impact on crime and delinquency rates of restrictions imposed in the Vologda Oblast on the retail sale of alcoholic beverages // Law Enforcement. 2025. № 4. Pp. 5–12.

Необходимо признать, что отечественный законодатель традиционно негативно относится к совершению противоправных деяний в состоянии алкогольного опьянения. Так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ) помимо того, что предусматривает состояние опьянения виновного в качестве обязательного условия наступления ответственности по некоторым административным правонарушениям (ст. 11.9, 12.8, 20.21, 20.22 КоАП РФ и т. д.), признает совершение административного правонарушения в состоянии опьянения обстоятельством, отягчающим административную ответственность (п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ).

В Уголовном кодексе Российской Федерации² (далее – УК РФ) состояние опьянения виновного (включая алкогольное) также может рассматриваться как необходимая предпосылка ответственности (ст. 264.1 УК РФ), а равно может выступать в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака (ч. 1.2, 2.1 ст. 263, п. «а» ч. 2, п. «а» ч. 4, п. «а» ч. 6 ст. 264 УК РФ). Кроме того, в уголовном законодательстве отдельно подчеркивается, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, подлежит уголовной ответственности (ст. 23 УК РФ), при этом очевидно, что речь идет о физиологическом опьянении, не лишаящем лица возможности осознавать свои действия и руководить ими (на это указывает использованный в указанной норме термин «преступление»), а не о патологическом, представляющем собой временное психическое расстройство и влекущем в соответствии с положениями ст. 21 УК РФ признание лица совершившим обще-

ственно опасное деяние в состоянии невменяемости.

Отдельного упоминания заслуживает ч. 1.1 ст. 63 УК РФ, согласно которой судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения. Аналогичная норма (пусть и в менее развернутом виде) содержалась в п. 10 ст. 39 Уголовного кодекса РСФСР³, однако в Уголовный кодекс Российской Федерации она изначально не была включена. Подобное упущение законодателя представлялось достаточно странным, особенно с учетом существовавшего в КоАП РФ (п. 6 ч. 1 ст. 4.3) упомянутого правового механизма, позволявшего признать совершение административного правонарушения в состоянии опьянения отягчающим административную ответственность обстоятельством. Данное расхождение было устранено лишь Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ «О внесении изменения в ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁴, после чего, по мнению Е. В. Медведева и А. А. Сидаковой, в УК РФ появились общие нормы, дающие возможность использования дифференцированного подхода к оценке не только транспортных, но и вообще любых преступлений, совершенных в состоянии опьянения [1].

Анализируя ст. 63 УК РФ, А. В. Курсаев указывает: «Как таковое опьянение не является уголовно наказуемым деянием. В связи с этим рассмотрение опьянения в качестве обстоя-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

³ Уголовный кодекс РСФСР. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

⁴ Федеральный закон от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ «О внесении изменения в ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

тельства, отягчающего наказание, возможно только в случае, если такое состояние повышает общественную опасность совершенного преступления. Опьянение может приобретать уголовно-правовую оценку при назначении наказания не само по себе, а лишь благодаря влиянию, которое оно оказывает на степень и объем вины или тяжесть последствий» [2].

Очевидно, что состояние алкогольного опьянения способно существенно воздействовать на поведение человека, и достаточно часто это проявляется в тех случаях, когда от лица требуется адекватная оценка ситуации, внимание, координация действий и т. п.

Как отметил Е. В. Медведев, состояние опьянения несет в себе особый негативный потенциал в тех случаях, когда речь идет о взаимодействии человека с техникой, поскольку оно существенным образом ухудшает психофизиологические способности организма, необходимые для безаварийного управления технической системой в виде транспортного средства [3].

Можно предположить, что во многом благодаря этому отрицательному влиянию состояние опьянения виновного (в том числе алкогольного) рассматривается в качестве квалифицирующего признака именно в составах преступлений, относящихся к безопасности движения и эксплуатации транспорта. В статьях КоАП РФ, предусматривающих ответственность за совершение административных правонарушений, состояние опьянения также относится к случаям управления теми или иными транспортными средствами и нарушения правил дорожного движения, дополняясь действиями с оружием, а также собственно нахождением или появлением в состоянии опьянения. В иных случаях алкогольное опьянение лица во время совершения противоправного деяния как уголовным законодательством, так и законодательством об административных правонарушениях может быть признано отягчающим ответственность (п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ) или наказание (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ) обстоятельством. Разница состоит в том, что в случае с административной ответственностью состояние опьянения по общему правилу включено в перечень отягчающих обстоятельств, однако судья, орган, должностное лицо, назначающие административное наказание, в зависимости от характера совершенного административного правонарушения могут не признать данное обстоятельство отягчающим, а при назначении уголовного наказания указанное состояние в общий перечень отягчающих наказание обсто-

тельств не входит, но суд имеет возможность признать его таковым. Данное различие представляется во многом формальным, следовательно, в рамках обеих указанных отраслей права прослеживается очевидное сходство подходов к оценке совершения деяний в состоянии алкогольного опьянения.

Совершение преступлений в состоянии алкогольного опьянения довольно часто регистрируется уголовно-правовой статистикой, а также статистикой, связанной с нарушением правил безопасности дорожного движения. Так, из 818 986 выявленных в 2022 г. преступников в состоянии алкогольного опьянения совершили преступления 227 897 (27,8 %), в 2023 г. – 750 465 и 197 402 (26,3 %), в 2024 – 666 260 и 157 303 (23,6 %) соответственно. Несмотря на общее снижение как числа выявленных лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, так и их доли среди всех установленных преступников, влияние опьянения на количество совершаемых преступлений очевидно, тем более что установить данное состояние возможно не всегда, особенно если виновный не был задержан непосредственно на месте преступления.

Соответственно, государство продолжает искать способы противодействия алкоголизации населения, что может привести к улучшению криминогенной обстановки и уменьшению количества административных правонарушений. Предлагаемые меры могут быть очень различными, и результаты их практической реализации не всегда могут быть предсказаны заранее с достаточной степенью точности, и лишь по прошествии определенного времени можно получить объективные данные, подтверждающие эффективность принятых усилий.

В качестве яркого примера попытки добиться снижения потребления алкогольных напитков следует назвать Закон Вологодской области от 29 ноября 2024 г. № 5766-ОЗ¹, вступивший в силу с 1 марта 2025 г., которым внесены значимые изменения в Закон Вологодской области от 14 октября 2014 г. № 3437-ОЗ «Об установлении ограничений в сфере розничной продажи алкогольной продукции и безалкогольных тонизирующих напитков»².

¹ Закон Вологодской области от 29 ноября 2024 г. № 5766-ОЗ «О внесении изменений в закон области «Об установлении ограничений в сфере розничной продажи алкогольной продукции и безалкогольных тонизирующих напитков»». URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

² Закон Вологодской области от 14 октября 2014 г.

Для реализации прав, предоставленных Федеральным законом от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»¹ (далее – Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ), на территории Вологодской области существенно была ограничена розничная продажа алкогольной продукции. В частности, установлен перечень дней, в которые по всей территории области запрещена розничная продажа алкогольной продукции, к которым относятся День русского студенчества (25 января), Всемирный день здоровья (7 апреля), Праздник Весны и Труда (1 мая), Международный день защиты детей (1 июня), День России (12 июня), День молодежи (последняя суббота июня), День семьи, любви и верности (8 июля), День знаний (1 сентября, а в случае, если 1 сентября приходится на субботу или воскресенье, то и в следующий за 1 сентября рабочий день), Всероссийский день трезвости (11 сентября), День народного единства (4 ноября), День Конституции Российской Федерации (12 декабря), а также дни, рекомендованные правовым актом исполнительного органа области, осуществляющего управление в сфере образования, для проведения в государственных и муниципальных образовательных организациях области выпускных мероприятий. Кроме того, не допускается розничная продажа алкогольной продукции с 8 часов до 12 часов и с 14 часов до 23 часов по местному времени с понедельника по пятницу (за некоторыми исключениями), а также в определенных объектах (в стационарных торговых объектах, расположенных в помещениях многоквартирных домов, переведенных из жилых помещений в нежилые помещения, расположенных в помещениях многоквартирных домов, находящихся в подвальных этажах, подземных этажах, в цокольных этажах в жилых многоквартирных зданиях, в стационарных торговых объектах, в которых отсутствует

отдельный вход для погрузки и (или) разгрузки алкогольной продукции, не являющийся входом для покупателей).

С учетом того, что ограничения на розничную продажу алкогольной продукции, введенные в Вологодской области, лишь дополнили уже существующие запреты, установленные федеральным законодательством (например, запрет на розничную продажу алкогольной продукции с 23 часов до 8 часов по местному времени, предусмотренный п. 9 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ), необходимо признать, что в данном субъекте Российской Федерации поставлен определенный социальный эксперимент, результат которого на данный момент неизвестен. Однако уже сейчас, анализируя данные статистической отчетности, можно проследить, как на этой территории меняется обстановка применительно к некоторым преступлениям и административным правонарушениям, совершение которых нередко связывается с алкогольным опьянением виновных, а также сравнить соответствующие данные по региону и по России в целом. При этом специфика имеющейся информации такова, что не всегда в силу установленной периодичности представляемых отчетов можно точно разделить периоды, на безусловно относящиеся ко времени до или после введенных запретов, и это несколько снижает достоверность имеющихся в настоящий момент сведений, однако первые выводы уже могут быть сделаны сейчас.

Также нельзя не упомянуть о довольно необычной ситуации, которая сложилась в связи с опубликованной информацией о резком увеличении потребления алкогольной продукции в Вологодской области, якобы имевшем место непосредственно после введения ограничений, о которых говорилось ранее. На портале Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) появилась информация о том, что употребление алкоголя на душу населения (в возрасте 15 лет и старше) в литрах чистого спирта выросло в указанном регионе в 2025 г. с 7,7 литра в январе до 9,65 литра в сентябре. Указанная информация вызвала бурное обсуждение в средствах массовой информации и негативную реакцию со стороны губернатора Вологодской области Г. Ю. Филимонова. Через непродолжительное время сведения были существенно изменены со ссылкой на допущенную ранее ошибку: употребление алкоголя на душу населения составило в январе 2025 г. 9,56 л, в феврале и марте – по 9,31 л, в апреле – 9,78 л, в мае – 9,58 л, в

№ 3437-03 «Об установлении ограничений в сфере розничной продажи алкогольной продукции и безалкогольных тонизирующих напитков». URL: <https://vologda-oblast.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

¹ Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

Таблица 1

Характеристика лиц, совершивших преступления в Российской Федерации

<i>Выявлено лиц, совершивших преступления</i>	<i>6 месяцев 2023 г.</i>	<i>6 месяцев 2024 г.</i>	<i>6 месяцев 2025 г.</i>
всего, чел. (% к АППГ)	401 678	364 327 (82,3)	318 282 (87,4)
из них в состоянии опьянения, чел. (%)	107 019 (26,6)	88 108 (24,2)	68 383 (21,5)
против жизни и здоровья (Глава 16 УК РФ), чел.	58 763	53 288	44 078
из них в состоянии опьянения, чел. (%)	39 539 (67,3)	34 966 (65,6)	27 553 (62,5)
хулиганство	583	863	1 257
из них в состоянии опьянения, чел. (%)	226 (38,8)	361 (41,8)	483 (38,4)
ст. 264 УК РФ	8 559	8 654	8 898
из них в состоянии опьянения, чел. (%)	1 268 (14,8)	1 121 (13)	1 024 (11,5)
ст. 264.1 УК РФ	26 393	21 569	18 513
из них в состоянии опьянения, чел. (%)	17 326 (65,6)	13 418 (62,2)	11 247 (60,8)

июне – 9,4 л, в июле – 9,48 л, в августе – 9,56 л¹, то есть оставалось примерно на одном уровне.

Сначала рассмотрим характеристику лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного опьянения. Для целей исследования были взяты данные обо всех преступниках, о лицах, совершивших преступления против жизни и здоровья, хулиганство, а также преступления, предусмотренные ст. 264 и 264.1 УК РФ. Соответствующие сведения по России указаны в таблице 1.

Из представленных данных следует, что в России отмечается существенное снижение общего числа выявленных за совершение преступлений лиц, в том числе совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, при одновременном уменьшении доли последних. Схожая тенденция имеет место и в отношении виновных, совершивших преступления против жизни и здоровья, при этом доля тех, кто совершил данные деяния в состоянии опьянения, превышает 60 %. Значительно выросло число преступников-хулиганов, однако доля нетрезвых преступников в этом случае остается относительно стабильной. Уменьшилось как количество тех, кто выявлен за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264.1 УК РФ, так и доля этих лиц, находившихся в состоянии опьянения.

¹ Минздрав изменил данные о потреблении алкоголя в Вологодской области. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25395195> (дата обращения: 20.10.2025).

Данные за аналогичные периоды по Вологодской области представлены в таблице 2.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в первом полугодии текущего года в Вологодской области сокращение числа выявленных преступлений проходило более высокими темпами, чем по всей России. Как и по всей стране, в этом регионе уменьшается и процент лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, однако эта доля существенно больше, чем в среднем по России (в первом полугодии 2025 г. – 21,5 и 31,7 % соответственно), что указывает на остроту проблемы, которую пытаются решать власти Вологодской области. Об этом свидетельствует также снижающийся в регионе, но при этом заметно превышающий среднероссийский показатель процент лиц, совершающих преступления против жизни и здоровья (70,5 % против 62,5 %). Количество выявленных в Вологодской области случаев хулиганства невелико, в связи с чем анализировать данные по этому преступлению по сравнению со всей Россией вряд ли целесообразно.

Интересно, что при незначительном росте количества выявленных в Вологодской области преступников, действия которых квалифицированы по ст. 264 УК РФ, доля лиц, совершивших эти преступления в нетрезвом состоянии (9,3 % в первом квартале текущего года), несколько меньше, чем по России (11,5 %), и эта особенность отмечается не первый год. Одна-

ко доля тех, кто совершил в состоянии опьянения преступления, предусмотренные ст. 264.1 УК РФ, в Вологодской области в первых кварталах 2024 и 2025 г. осталась практически неизменной, тогда как по России этот показатель продолжил снижение и в текущем году практи-

чески сравнился с процентом в указанном регионе (60,8 и 59,8 % соответственно).

Количество расследованных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в Российской Федерации и Вологодской области представлены в таблице 3.

Таблица 2

Характеристика лиц, совершивших преступления в Вологодской области

<i>Выявлено лиц, совершивших преступления</i>	<i>6 месяцев 2023 г.</i>	<i>6 месяцев 2024 г.</i>	<i>6 месяцев 2025 г.</i>
всего, чел. (% к АППГ)	3454	3208 (92,9)	2528 (78,8)
из них в состоянии опьянения, чел. (%)	1350 (39,1)	1121 (34,9)	802 (31,7)
против жизни и здоровья (Глава 16 УК РФ)	491	453	397
из них в состоянии опьянения, чел. (%)	395 (80,4)	327 (72,2)	280 (70,5)
хулиганство	11	5	6
из них в состоянии опьянения, чел. (%)	6 (54,5)	2 (40)	3 (50)
ст. 264 УК РФ, чел.	75	85	86
из них в состоянии опьянения, чел. (%)	9 (12)	10 (11,8)	8 (9,3)
ст. 264.1 УК РФ	232	191	169
из них в состоянии опьянения, чел. (%)	154 (66,4)	114 (59,7)	101 (59,8)

Таблица 3

Общее число расследованных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения

<i>Расследовано преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения</i>	<i>6 месяцев 2024 г.</i>	<i>6 месяцев 2025 г.</i>
Российская Федерация		
всего	99 856	77 256
против жизни и здоровья (Глава 16 УК РФ)	40 373	31 684
хулиганство	330	426
ст. 264 УК РФ	1097	996
Вологодская область		
всего	1197	857
против жизни и здоровья (Глава 16 УК РФ)	341	298
хулиганство	2	3
ст. 264 УК РФ	8	8

Можно заключить, что тенденции изменения состояния преступности в России и Вологодской области в данном случае принципиально не отличаются. Исключением является уменьшение в Российской Федерации количества расследованных преступлений, квалифицируемых по ст. 264 УК РФ, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, при полном сохранении аналогичных показаний в Вологодской области, однако незначительное число выявленных подобных преступлений в последней не дает возможности делать далеко идущие выводы.

Еще один показательный аспект рассматриваемой проблемы касается дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) с участием водителей, имеющих признаки опьянения. За январь-февраль 2025 г. по России таких ДТП произошло 1043, а за 9 месяцев (подсчет ведется нарастающим итогом) – 9594 (919,8 % по отношению к показателю за первые два месяца года), по Вологодской области аналогичные показатели составили 13 и 113 (869,2 %) соответственно. Можно отметить, что ситуация с ДТП с участием нетрезвых водителей в Вологодской области после введенных ограничений более

благоприятная, чем по Российской Федерации в целом.

Логично было бы предположить, что предложенные в Вологодской области меры повлияют и на количество нарушений в сфере

незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции.

По России показатели представлены в таблице 4. Ситуация в Вологодской области представлена в таблице 5.

Таблица 4

Нарушения в сфере незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции в Российской Федерации

<i>Показатель</i>	<i>Первый квартал</i>	<i>Второй квартал (к предыдущему периоду)</i>	<i>Третий квартал (к предыдущему периоду)</i>
Число организаций и индивидуальных предпринимателей, у которых в ходе проверок выявлены правонарушения	9422	7877 (83,6 %)	8065 (102,4 %)
Выявлено лиц, совершивших правонарушения, связанные с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции	9504	8125 (85,5 %)	8242 (101,4 %)
Выявлено правонарушений в том числе нарушений правил торговли	11 011 7727	9529 (86,5 %) 6826 (88,3 %)	9080 (95,3 %) 6476 (94,9 %)

Таблица 5

Нарушения в сфере незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции в Вологодской области

<i>Показатель</i>	<i>Первый квартал</i>	<i>Второй квартал (к предыдущему периоду)</i>	<i>Третий квартал (к предыдущему периоду)</i>
Число организаций и индивидуальных предпринимателей, у которых в ходе проверок выявлены правонарушения	55	67 (121 %)	37 (55,2 %)
Выявлено лиц, совершивших правонарушения, связанные с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции	76	119 (156,6 %)	58 (48,7 %)
Выявлено правонарушений в том числе нарушений правил торговли	147 54	284 (193,2 %) 100 (185,2 %)	228 (80,3 %) 108 (108 %)

В Вологодской области во втором квартале текущего года применительно к сфере незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции ожидаемо наблюдалось резкое увеличение количества как нарушителей, так и нарушений, что, несомненно, контрастирует с уменьшением этих показателей по Рос-

сии. Очевидно, что имело место определенное «привыкание» участников оборота указанной продукции к изменившимся условиям. Зато в третьем квартале ситуация наблюдается обратная: если в Российской Федерации рассматриваемые показатели мало изменились по сравнению с предыдущим периодом, то в Во-

логодской области снижение было весьма заметным (исключение составляют выявленные нарушения правил торговли, число которых в регионе несколько выросло).

Какие могут быть сделаны выводы? Принятые в Вологодской области меры по ограничению розничной продажи алкогольной продукции следует признать своевременными, поскольку данный регион отличается высокими показателями совершения преступлений в состоянии опьянения. При этом уже по итогам первого полугодия 2025 г. в Вологодской области снизилась доля нетрезвых лиц среди совершивших преступления, а также количество расследованных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, однако темпы снижения не слишком отличаются от общероссийских. Кроме того, следует отметить улучшение в Вологодской области ситуации с количеством ДТП с участием водителей, имеющих признаки опьянения, а также сокращение (за некоторым исключением) нарушений в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Безусловно, окончательные выводы относительно эффективности введенных в Вологодской области указанных выше ограничений будут сделаны через более продолжительное время, однако на данном этапе можно констатировать, что положительные изменения уже имеются, при этом отрицательного влияния этих мер на значимые статистические показатели пока не отмечается.

Библиографический список

1. Медведев Е. В., Сидакова А. А. Ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта в состоянии опьянения // Транспортное право. 2019. № 3. С. 28–32.
2. Курсаев А. В. Подходы судов к оценке совершения преступления в состоянии опьянения как обстоятельства, отягчающего или смягчающего наказание // Уголовное право. 2023. № 6. С. 25–38.
3. Медведев Е. В. Состояние опьянения как признак транспортных преступлений // Транспортное право. 2024. № 2. С. 2–6.

References

1. Medvedev E. V., Sidakova A. A. Responsibility for violation of traffic safety rules and vehicle operation in a state of intoxication // Transport Law. 2019. No. 3. Pp. 28–32.
2. Kursayev A. V. Approaches of courts to assessing the commission of a crime in a state

of intoxication as a circumstance aggravating or mitigating punishment // Criminal Law. 2023. No. 6. Pp. 25–38.

3. Medvedev E. V. Intoxication as a sign of transport crimes // Transport law. 2024. No. 2. Pp. 2–6.

Информация об авторе

Веденин Дмитрий Витальевич – кандидат юридических наук

Information about the author

Vedenin Dmitriy V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 08.12.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья
УДК 343.721; 004.81

Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения преступлений, совершенных с помощью методов социальной инженерии

Искакова Ксения Орестовна¹, Шапошникова Наталья Сергеевна²

¹ Учебно-научный центр «Информационная безопасность» Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ksenia.iskakova@mail.ru

² Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, nssabanina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся такого явления, как социальная инженерия. Раскрыты ее значение и использование при совершении мошеннических действий, использование возможностей искусственного интеллекта при совершении киберпреступлений, а также способы и методы защиты от использования искусственного интеллекта в социальной инженерии, обеспечивающие защиту жизненно важной информации о людях и организациях от все более изощренных кибератак.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальная инженерия, информационная безопасность, национальная безопасность

Для цитирования: Искакова К. О., Шапошникова Н. С. Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения преступлений, совершенных с помощью методов социальной инженерии // На страже закона. 2025. № 4. С. 13–16.

Original article

The use of artificial intelligence to identify and prevent crimes committed using social engineering methods

Iskakova Ksenia O.¹, Shaposhnikova Natalya S.²

¹ Educational and Research Center «Information Security» Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, ksenia.iskakova@mail.ru

² Ural Law institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, nssabanina@gmail.com

Abstract. The article discusses the phenomenon of social engineering, its significance and use in fraudulent activities, the use of artificial intelligence in cybercrimes, and ways and methods of protecting against the use of artificial intelligence in social engineering, ensuring the protection of vital information for individuals and organizations from increasingly sophisticated cyberattacks.

© Искакова К.О., Шапошникова Н.С., 2025

Keywords: artificial intelligence, social engineering, information security, national security

For citation: Iskakova K. O., Shaposhnikova N. S. The use of artificial intelligence to identify and prevent crimes committed using social engineering methods // Law Enforcement. 2025. № 4. Pp. 13–16.

В современном цифровом мире искусственный интеллект становится все более распространенным и мощным инструментом. С такими быстрыми темпами его развития возросли и методы использования его в социальной инженерии.

Социальная инженерия относится к манипулятивным методам и представляет собой особый тип киберпреступлений, который использует психологические манипуляции для обмана жертв с целью получения конфиденциальной информации или совершения ими нежелательных действий, например, совершение мошеннических транзакций или установка вредоносных программ.

Уникальные возможности искусственного интеллекта, такие как обработка естественного языка и распознавание образов, позволили злоумышленникам разрабатывать более сложные и эффективные схемы социальной инженерии [1, с. 3]. С помощью искусственного интеллекта злоумышленники могут автоматизировать и масштабировать свои атаки. Так, возникла необходимость разработки всесторонней стратегии защиты, способной противостоять таким угрозам. Защита от искусственного интеллекта в социальной инженерии является на сегодня критической задачей.

Для всестороннего и полного понимания вопроса необходимо конкретизировать, что же такое «социальная инженерия». Это совокупность различных психологических подходов и обманных методов, направленных на получение учетных данных о человеке с помощью мошеннических действий. Злоумышленники используют психологические такие приемы, как обман, доверие, уловки и психологическое давление, чтобы убедить пользователя раскрыть конфиденциальную информацию или предпринять действия, которые ставят под угрозу его безопасность.

Социальная инженерия не предполагает взлома программного обеспечения или использования технических уязвимостей. Вместо этого она опирается на психологию и поведение людей. Злоумышленники используют доверие жертвы, ее страхи, желания или наивность, чтобы добиться своей цели.

Существует множество различных методов социальной инженерии, в том числе:

1. Фишинг – злоумышленники отправляют электронные письма, SMS-сообщения или сообщения в социальных сетях, которые выглядят как официальные, но на самом деле поддельные. Они нацелены на то, чтобы обманом заставить жертву раскрыть свои учетные данные, финансовую информацию или другие личные данные.

2. Вишинг – этот метод предполагает использование телефона. Злоумышленники могут звонить своим жертвам, притворяясь сотрудниками банков или технической поддержки, чтобы выведать у них личные данные.

3. Смишинг – это разновидность фишинга, которая использует SMS-сообщения для отправки вредоносных ссылок или запросов на предоставление личной информации.

4. Вредоносное программное обеспечение (далее – ПО) – злоумышленники создают вредоносные программы, которые выглядят как легальное программное обеспечение, но на самом деле используются для кражи личной информации, уничтожения данных или взятия системы под контроль.

5. Претекст – злоумышленники выдумывают фиктивную причину для обращения к жертве, например, выдавая себя за сотрудника банка или службы безопасности. Они используют эту историю, чтобы получить доступ к личной информации, взломать систему или заставить жертву предпринять какие-либо действия.

6. Китовая охота – этот метод нацелен на высокопоставленных лиц, таких как руководители или знаменитости, которым предлагаются эксклюзивные возможности инвестирования, особые условия трудоустройства или другая привлекательная «наживка».

7. Язык моделирования (NLP) – социальные инженеры используют NLP, чтобы общаться с жертвами человеческим языком, что делает их более убедительными. Чтобы установить доверие и общаться с жертвами на подсознательном уровне, в ход идут такие техники, как активное слушание, зеркальность и разглаживание.

8. Кви про кво – ситуации, когда злоумышленник предлагает что-то ценное цели в обмен на то, что он раскроет конфиденциальную информацию или выполнит другое желаемое действие.

9. Внедрение особого ПО (обратная социальная инженерия) – изменение работы программы или нарушение ее работы для того, чтобы пользователь обратился за помощью к специалисту – социальному хакеру, который, якобы налаживая работу ПО, делает все необходимое для осуществления взлома.

10. Реклама (обратная социальная инженерия) – злоумышленники размещают свои рекламные объявления о предоставлении услуг (например, IT-услуг). Потенциальные жертвы обращаются к злоумышленнику сами. Таким образом, мошенник производит все необходимые манипуляции для взлома, а также получает информацию через контакт с потенциальным клиентом.

11. Краудсорсинг информации – сбор информации о своих жертвах через социальные сети, используя публичные данные для создания более целенаправленных и персонализированных атак [2, с. 13].

Искусственный интеллект (далее – ИИ) играет все более важную роль в социальной инженерии, позволяя злоумышленникам автоматизировать и масштабировать свои атаки.

В последние годы ИИ стал еще более мощным инструментом для злоумышленников, использующих социальную инженерию. С его помощью создаются глубокие подделки, которые трудно отличить от реальных видео- и аудиозаписей, чат-боты, которые могут вести реалистичные разговоры с жертвами, выдавая себя за реальных людей.

Исследование, проведенное компанией Check Point Software Technologies, показало, что в 2022 г. 91 % организаций подверглись атакам социальной инженерии [3, с. 1], 75 % атак были совершены с использованием ИИ.

Однако ИИ находит применение в социальной инженерии как в негативном, так и в позитивном контексте. Важно осознавать, что некоторые методы могут использоваться злоумышленниками для манипуляции людьми, тогда как другие вполне способны защитить от таких атак.

1. Поддельные профили в социальных сетях.

ИИ можно использовать для создания поддельных профилей в социальных сетях, которые выглядят как профили реальных людей. Эти профили могут использоваться для установления доверия с целью получения доступа к конфиденциальной информации.

2. Персонализированные фишинговые атаки.

ИИ можно использовать для персонализации фишинговых атак в соответствии с ин-

тересами и уязвимостями конкретных целей. Например, посредством ИИ можно создавать фишинговые письма, которые содержат ссылки на вредоносные программы, нацеленные на конкретные уязвимости в ПО цели.

3. Автоматизированные массовые рассылки спама.

ИИ можно использовать для автоматизации массовых рассылок спама. Эти спам-сообщения могут содержать фишинговые ссылки, вредоносные программы или другие вредоносные материалы.

4. Выявление и нацеливание на уязвимых жертв.

ИИ можно использовать для выявления и нацеливания на уязвимых жертв. Например, посредством ИИ можно проводить анализ данных социальных сетей, чтобы определить, какие пользователи наиболее склонны к раскрытию конфиденциальной информации или выполнению вредоносных действий.

5. Генерация фальшивых видео и аудио.

Технологии глубокого обучения (например, Deepfake) могут создавать поддельные видео или аудио, где известные личности говорят или делают что-то, чего они никогда не делали на самом деле. Это может быть использовано в целях манипуляции мнением или обмана людей.

6. Чат-боты для манипуляции.

Злоумышленники могут использовать ботов, обученных с помощью ИИ, для взаимодействия с жертвами, выдавая себя за доверенных лиц или официальные организации, собирая личные данные.

Изучение методов социальной инженерии, основанных на ИИ, служит множеству целей и задач, которые могут быть полезны как в академической, так и в практической сфере [4, с. 8]. Вот несколько направлений и возможных полезных нагрузок:

1. Анализ уязвимостей.

Использование ИИ для выявления уязвимостей в социальных системах и идентификации потенциальных целей для атак социальной инженерии (применение алгоритмов машинного обучения для анализа данных о предыдущих инцидентах и выявления общих паттернов поведения).

2. Создание обучающих систем.

Разработка симуляторов, которые используют ИИ для создания сценариев атак, позволяя пользователям учиться на реальных примерах (применение ИИ для создания адаптивных программ обучения, которые помогут сотрудникам распознавать методы социаль-

ной инженерии и противостоять им).

3. Психологический анализ.

ИИ может помочь выявить, какие сообщения и форматы наиболее эффективно воздействуют на людей, анализируя текстовые данные и поведение (создание моделей, которые предсказывают реакции людей на определенные ситуации или сообщения на основе психологических принципов).

4. Автоматизация мониторинга.

Использование ИИ для автоматического анализа коммуникаций и выявления потенциальных угроз в реальном времени (например, в электронных письмах или сообщениях в мессенджерах).

Предсказание атак – разработка систем, которые могут обнаруживать аномальные паттерны поведения и предсказывать возможные атаки.

5. Формирование рекомендаций по безопасности.

Использование ИИ для анализа личных данных пользователей и разработки индивидуальных рекомендаций по повышению безопасности (например, в социальных сетях), а также инструментов, которые оценивают индивидуальные риски на основе сетевых активностей и поведения.

6. Этика и социальные аспекты.

Изучение вопросов этики и социальной ответственности при использовании ИИ в контексте социальной инженерии, включая манипуляции и конфиденциальность, анализ реакции различных демографических групп на атаки социальной инженерии с помощью искусственного интеллекта, может помочь в разработке целевых информационных кампаний.

7. Инновации в области защиты.

Работа с ИИ для создания инновационных подходов к защите информации и предотвращению атак социальной инженерии, работа над методиками оценки защиты от социальной инженерии с помощью ИИ, что позволит повысить степень защиты организаций [2, с. 15].

ИИ становится все более мощным инструментом для злоумышленников, использующих его для проведения изощренных и эффективных атак в области социальной инженерии. Отслеживая последние тенденции в этом направлении, организациям следует применять надлежащие меры безопасности для защиты от этих атак.

Библиографический список

1. Раза М. Абдулла, Хива А. Фарадж, Чоман О. Абдулла, Аскандар Х. Амин, Тарик А.

Рашид. Analysis of Social Engineering Awareness Among Students and Lecturers // IEEE Access. 2023. (дата обращения: 02.09.2024).

2. Капур В. Социально-гуманитарные знания // Социальная инженерия в цифровой эпохе: анализ методов манипуляции человеческим фактором в целях кибератак. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-inzheneriya-v-tsifrovoy-epohe-analiz-metodov-manipulyatsii-chelovecheskim-faktorom-v-tselyah-kiberatak?ysclid=m1cb1dy3ft381730569> (дата обращения: 06.09.2024).

3. Марк Смит, Иван Флечас. Digital Deception: Generative Artificial Intelligence in Social // Research Gate. 2023. (дата обращения: 05.09.2024).

4. Корина Паску, Марко Баррос Лоренсу ENISA // Искусственный интеллект и кибербезопасность. 2023. URL: https://newsletter.radensa.ru/wp-content/uploads/2023/08/Artificial-Intelligence-and-Cybersecurity-Research.en_ru_.pdf?ysclid=m1cb7ekpb7360410432 (дата обращения: 07.09.2024).

References

1. Raza M. Abdullah, Khiva A. Faraj, Choman O. Abdullah, Askandar H. Amin, Tariq A. Rashid. Analysis of Social Engineering Awareness Among Students and Lecturers // IEEE Access. 2023. (date of access: 09/02/2024).

2. Kapur V. Social and Humanitarian Knowledge // Social Engineering in the Digital Age: An Analysis of Human Factor Manipulation Methods for Cyberattacks. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-inzheneriya-v-tsifrovoy-epohe-analiz-metodov-manipulyatsii-chelovecheskim-faktorom-v-tselyah-kiberatak?ysclid=m1cb1dy3ft381730569> (date of access: 09/06/2024).

3. Mark Smith, Ivan Flechas. Digital Deception: Generative Artificial Intelligence in Social // Research Gate. 2023. (date of access: 09/05/2024).

4. Corina Pasqu, Marco Barros Lopes ENISA // Artificial intelligence and cybersecurity. 2023. URL: https://newsletter.radensa.ru/wp-content/uploads/2023/08/Artificial-Intelligence-and-Cybersecurity-Research.en_ru_.pdf?ysclid=m1cb7ekpb7360410432 (date of access: 09/07/2024).

Статья поступила в редакцию 21.09.2025; одобрена после рецензирования 06.11.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 27.09.2025; approved after reviewing 06.11.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья

УДК 343.3/7

Основные направления деструктивного воздействия (личность, семья, общество, государство) как элементы общественной опасности деятельности деструктивных религиозных организаций

Макеева Ирина Сергеевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
i.suhanova@bk.ru

Аннотация. В статье проводится анализ системной общественной опасности деструктивных религиозных организаций. Автор рассматривает ее как многоуровневое явление, последовательно разрушающее личность, семью, общество и государственные основы. Исследуется траектория воздействия: от контроля сознания адептов и причинения им физического, психического и имущественного вреда до подрыва общественной нравственности, социальной стабильности и национальной безопасности. Особое внимание уделяется вопросам уголовно-правовой квалификации подобных деяний и вызовам правоохранительной системе, что требует комплексного междисциплинарного подхода к противодействию данной угрозе.

Ключевые слова: деструктивные религиозные организации, общественная опасность, экстремизм, национальная безопасность

Для цитирования: Макеева И. С. Основные направления деструктивного воздействия (личность, семья, общество, государство) как элементы общественной опасности деятельности деструктивных религиозных организаций // На страже закона. 2025. № 4. С. 17–24.

Original article

The Main Directions of Destructive Impact (Individual, Family, Society, State) as Elements of the Public Danger of Destructive Religious Organizations' Activity

Makeeva Irina S.

Ural Law institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
i.suhanova@bk.ru

Abstract. The article provides an analysis of the systemic public danger posed by destructive religious organizations. The author consider it as a multi-level phenomenon that consistently undermines the individual, the family, society, and the foundations of the state. The trajectory of

© Макеева И.С. 2025

impact is examined: from the control of adherents' consciousness and the infliction of physical, psychological, and material harm to them, to the erosion of public morality, social stability, and national security. Special attention is paid to the issues of criminal-legal qualification of such activities and the challenges for law enforcement, which necessitates a comprehensive interdisciplinary approach to countering this threat.

Keywords: destructive religious organizations, public danger, extremism, national security

For citation: Makeeva I. S. The main directions of destructive impact (individual, family, society, state) as elements of the public danger of destructive religious organizations' activity // Law Enforcement. 2025. № 4. Pp. 17–24.

Криминологический и уголовно-правовой анализ общественной опасности деятельности деструктивных религиозных организаций требует системного подхода.

Общественная опасность данного феномена носит комплексный, многоуровневый и зачастую латентный характер, проявляясь в последовательном разрушении фундаментальных социальных ценностей и институтов, охраняемых законом. Ее сущность заключается в целенаправленном деструктивном воздействии, которое, подобно концентрическим кругам, расходится от своей первоначальной и главной мишени – личности адепта – к ее ближайшему социальному окружению в лице семьи, затем к обществу в целом и, в конечном счете, к самим основам государственности.

Рассмотрение этих направлений воздействия как взаимосвязанных элементов единой системы общественной опасности позволяет в полной мере оценить масштаб угрозы и обосновать необходимость применения адекватных мер государственного принуждения, включая меры уголовно-правового характера.

Первым, базовым и наиболее трагичным по своим последствиям направлением деструктивного воздействия является посягательство на личность. Именно человека, его сознание, воля, физическое и психическое здоровье, его фундаментальное право на автономию и самоопределение выступают первичным и главным объектом тотального контроля и последующей деформации.

В отличие от большинства общеуголовных преступлений, где вред причиняется, как правило, путем очевидного физического насилия или прямого обмана, распознаваемого в рамках обыденного жизненного опыта, деструктивные религиозные организации используют в качестве основного инструмента изощренные, скрытые и комплексные технологии психологического насилия, известные в специаль-

ной литературе как «контроль сознания» или «реформирование мышления».

Данный процесс представляет собой не что иное, как целенаправленное и систематическое посягательство на внутренний мир человека, на его экзистенциальное ядро, на его право на идентичность, свободу мысли и совести, гарантированное ст. 28 и 29 Конституции Российской Федерации.

Общественная опасность этого воздействия заключается в том, что оно приводит к полному или частичному подавлению способности индивида к критическому мышлению, самостоятельному принятию решений, рефлексии и адекватной оценке окружающей действительности. Личность последовательно и методично отчуждается от своей прежней системы ценностей, убеждений, привязанностей, социальных связей и всего накопленного жизненного опыта, которые в культовой доктрине объявляются греховными, иллюзорными или устаревшими.

На месте прежней идентичности формируется новая «культовая» личность, ригидная, инфантильная, целиком и полностью зависимая от учения, лидеров и норм группы. Этот процесс разрушения и замещения личности, по сути являющийся формой духовного и психологического убийства, в свою очередь, становится необходимым условием для совершения в отношении адепта целого спектра деяний, подпадающих под признаки конкретных составов преступлений, предусмотренных УК РФ, поскольку именно подавленная воля и неспособность к сопротивлению делают человека беззащитной жертвой дальнейшей эксплуатации.

Наиболее очевидным и материально фиксируемым проявлением этого является причинение вреда физическому здоровью. Оно может носить как прямой, так и косвенный характер, однако всегда находится в прямой причинно-следственной связи с деструктивной деятельностью организации. Прямое физическое

насилие может выражаться в ритуальных телесных наказаниях, применяемых для «изгнания бесов» или «очищения от грехов», в практиках самобичевания, в принуждении к участию в опасных для жизни и здоровья обрядах, связанных с длительным лишением пищи и воды, хождением по углям или контактами с ядовитыми веществами.

Такие действия в зависимости от степени тяжести наступивших последствий могут быть квалифицированы по ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» или ст. 117 УК РФ «Истязание». Вместе с тем надо отметить, что чаще вред здоровью причиняется опосредованно, не через прямое физическое воздействие, а через внушение и манипуляцию сознанием, которые побуждают человека к саморазрушительному поведению. Показательным примером в данном случае является насаждаемый во многих культах догматический запрет на обращение к официальной медицине.

Квалифицированная медицинская помощь объявляется бездуховной, сатанинской или просто неэффективной по сравнению с псевдодуховными или оккультными практиками исцеления, предлагаемыми организацией. Адептов убеждают отказываться от жизненно необходимых процедур, таких как переливание крови, вакцинация, прием антибиотиков, инсулина или прохождение курсов химиотерапии.

Когда такие действия, основанные на «слепой» вере в учение, приводят к смерти человека или причинению тяжкого вреда его здоровью, возникает проблема уголовно-правовой квалификации. Формально совершеннолетний дееспособный адепт отказывается от помощи добровольно, подписывая соответствующие документы в медицинском учреждении. Однако эта воля не является свободной и осознанной в юридическом смысле, будучи сформированной под влиянием целенаправленного, интенсивного и длительного психологического воздействия, исказившего его картину мира и способность к рациональной оценке рисков.

В зависимости от конкретных обстоятельств и содержания учения действия лидеров, внушивших такой отказ, могут рассматриваться как подстрекательство к самоубийству путем бездействия (ст. 110.1 УК РФ), оставление в опасности (ст. 125 УК РФ), если на лидере лежала обязанность заботы о потерпевшем, или неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), если лидер обладал медицинскими знаниями.

Кроме того, серьезную общественную опасность представляют навязываемые адептам изнурительные посты, строгие и несбалансированные диетические ограничения, систематическое лишение сна под видом духовных бдений, а также принуждение к непосильному физическому труду на благо организации, что в совокупности приводит к крайнему истощению организма, обострению хронических заболеваний и развитию новых тяжелых соматических патологий.

Не менее значимым является посягательство на психическое здоровье личности. Интенсивное и продолжительное применение техник контроля сознания, использование медитативных практик для введения в измененные состояния сознания, внушение иррациональных страхов (фобий) перед выходом из организации или перед внешним миром – все это с высокой долей вероятности приводит к развитию серьезных психических расстройств: индуцированных психозов, тяжелых депрессивных состояний, диссоциативных расстройств, посттравматического стрессового расстройства.

Доведение человека до такого состояния, особенно если оно сопряжено с угрозами или жестоким обращением, может подпадать под признаки ст. 117 УК РФ «Истязание», так как причиняют не только физические, но и психические страдания.

Особую общественную опасность представляет культивирование суицидальных настроений, особенно в апокалиптических культах, где массовое самоубийство может преподноситься как акт освобождения, перехода или эвакуации. Деятельность по склонению или содействию совершению самоубийства образует состав преступления, предусмотренного ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ.

Следующим элементом общественной опасности в рамках посягательства на личность является нарушение ее половой неприкосновенности и половой свободы. Во многих деструктивных организациях, особенно гедонистического типа, лидер наделяет себя исключительным правом распоряжаться интимной жизнью последователей. Под видом религиозных доктрин о священном браке, тантрическом сексе или снятии греховных комплексов осуществляется сексуальная эксплуатация адептов, в том числе несовершеннолетних. Такие деяния следует квалифицировать как изнасилование (ст. 131 УК РФ) или насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), поскольку согласие потерпевшего, дан-

ное в состоянии психологической зависимости и подчинения сакрализованному авторитету лидера, не может рассматриваться как добровольное в уголовно-правовом смысле. Особую сложность представляет доказывание беспомощного состояния жертвы, которое в данном контексте носит не физический, а психологический характер.

Наконец, неотъемлемой частью деструктивного воздействия на личность является посягательство на ее имущественные права. Большинство деструктивных культов имеют выраженную корыстную направленность. У адептов систематически изымаются денежные средства, движимое и недвижимое имущество. Этот процесс камуфлируется под добровольные пожертвования, десятину или плату за прохождение очередных ступеней посвящения.

С юридической точки зрения, данные действия содержат признаки хищения в форме мошенничества, совершенного путем злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ). Обман или злоупотребление доверием в данном случае заключаются в создании у потерпевшего искаженного представления о реальности, в формировании у него убежденности, что передача имущества является необходимым условием его духовного спасения, исцеления или обретения сверхспособностей. Доказывание состава данного преступления также сопряжено с трудностями, связанными с необходимостью установления факта отсутствия у потерпевшего свободной воли в момент совершения сделки, что требует проведения комплексных психолого-психиатрических экспертиз.

Вторым направлением деструктивного воздействия, логически и неизбежно вытекающим из посягательства на личность, является целенаправленное разрушение института семьи. Семья как первичная ячейка общества, важнейший институт социализации и фундаментальная основа стабильности социума в соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации находится под особой защитой государства.

Для деструктивной религиозной организации традиционная, здоровая семья адепта представляет собой главную системную угрозу и основного идеологического конкурента. Она является носителем альтернативной, зачастую гуманистической системы ценностей, источником безусловной эмоциональной поддержки, основанной на любви и родстве, а также потенциальным каналом поступления критической информации из внешнего мира, способной

разрушить герметичную картину мира, выстраиваемую культом.

Семейные узы, авторитет родителей и супружеская привязанность являются тем барьером, который препятствует установлению тотального контроля над сознанием индивида. Поэтому одной из первоочередных и стратегических задач лидеров любого деструктивного культа становится разрыв, максимальное ослабление или переформатирование семейных связей последователя.

Общественная опасность этого процесса носит многоаспектный характер и проявляется в целой серии взаимосвязанных деструктивных практик. Во-первых, это целенаправленное и систематическое формирование враждебного, пренебрежительного и подозрительного отношения к членам семьи, не разделяющим учение группы. С помощью манипулятивных техник адепту внушается мысль о том, что его близкие – препятствие на его «духовном пути». Родители, супруги, дети в культовой доктрине объявляются «людьми мира сего», «материалистами», «спящими», а в более радикальных учениях – «демоническими сущностями», «агентами темных сил», пытающимися вернуть его в «греховный мир». Контакты с ними настоятельно рекомендуется прекратить или свести к минимуму, а любая критика или беспокойство со стороны родственников преподносятся как гонения за веру и доказательство истинности учения. Это приводит к многочисленным и глубоким семейным трагедиям: распадаются браки, отчуждаются дети от родителей, которые годами не могут видеть своих внуков, полностью прекращается всякое общение с близкими родственниками. Человек оказывается в состоянии искусственно созданной социальной изоляции, где единственной новой семьей для него становится культ, что многократно усиливает его зависимость.

Во-вторых, внутри тех семей, где один из супругов является адептом культа, а другой – нет, насаждается атмосфера тотального недоверия, постоянных конфликтов, эмоционального шантажа и психологического насилия. Адепт, следуя указаниям своих «духовных наставников», пытается вовлечь в организацию всю семью, а в случае неудачи начинает жить по двойным стандартам, скрывая информацию, тайно посещая собрания и перечисляя деньги в пользу группы. Нередко это сопровождается прямыми посягательствами на имущественные права других членов семьи, когда адепт без их ведома и согласия выносит из дома и передает организации общие ценности, семейные сбе-

режения или даже берет кредиты на нужды культа.

В-третьих, особую общественную опасность, требующую самого пристального внимания со стороны правоохранительных органов и органов опеки, представляет вовлечение в деятельность деструктивных религиозных организаций несовершеннолетних. Родители-адепты, находясь под влиянием деструктивного учения, могут грубейшим образом нарушать фундаментальные права своих детей, гарантированные как Конституцией РФ, так и международными конвенциями. Это может выражаться в отказе от права на образование (запрет посещать светскую школу в пользу внутреннего «культового» обучения), в нарушении права на охрану здоровья (отказ от необходимой медицинской помощи, прививок, переливания крови в случае тяжелой болезни), в посягательстве на право на всестороннее развитие (запрет на общение со сверстниками вне группы, на чтение светской литературы, на занятия спортом или искусством).

Дети в таких организациях часто подвергаются физическим наказаниям, сексуальной эксплуатации и интенсивной идеологической обработке, что наносит непоправимый вред их психическому и физическому развитию. Такие действия в зависимости от тяжести последствий могут и должны быть квалифицированы как неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ), а в наиболее вопиющих случаях – как истязание (ст. 117 УК РФ) или оставление в опасности (ст. 125 УК РФ).

Таким образом, деятельность деструктивных религиозных организаций наносит прямой удар по основам семейных отношений, нарушает конституционные принципы защиты материнства, отцовства, детства и семьи, способствуя социальной атомизации, дезорганизации и росту сиротства при живых родителях.

Третьим, более широким, направлением деструктивного воздействия является посягательство на общество в целом и его основополагающие институты. Деятельность деструктивных религиозных организаций наносит системный вред общественной нравственности, социальной солидарности, межконфессиональному миру и общественному порядку. Культивируя идеологию избранности, элитарности и эксклюзивности, противопоставляя свою группу всему остальному миру по принципу «свет против тьмы», деструктивные организации формируют у своих последователей чувство глубокой нетерпимости, а зачастую

и откровенной ненависти к представителям иных религиозных, социальных и мировоззренческих групп. Именно здесь формируется ключевой идеологический мотив, который «основан на совпадении собственных ценностей человека с идеологическими ценностями... идейно-политической силы. Он возникает как результат вступления человека в некоторую близкую по духу общность. В таких случаях экстремизм становится... своего рода "миссией" от имени данной общности» [1, с. 81]. В зависимости от содержания конкретной доктрины это может приобретать форму возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства по признакам отношения к религии, что образует состав преступления, предусмотренный ст. 282 УК РФ. Мотив религиозной ненависти или вражды представляет собой проявление нетерпимости к инаковедующим, неверующим или выражается в действиях, основанных на отрицании любой религии. Его необходимо отграничивать от иной религиозной мотивации. Так, деяния, связанные с желанием исполнить религиозный обряд или ритуал (например, ритуальное убийство), в отсутствие прямой направленности против иной конфессиональной группы, не содержат данного мотива и подлежат квалификации по соответствующим статьям УК РФ (например, по ч. 1 ст. 105 УК РФ) [2, с. 18].

Пропаганда превосходства или неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности, утверждения о том, что последователи одной веры являются «спасенными», а все остальные – «проклятыми» или «недочеловеками», являются ключевыми элементами экстремистской деятельности, определение которой дано в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Такие идеологические установки разрушают хрупкую связь межрелигиозного и межнационального согласия, провоцируя социальную напряженность и конфликты. Кроме того, деятельность деструктивных религиозных организаций наносит целенаправленный удар по базовым общественным институтам, обеспечивающим стабильность и прогрессивное развитие социума.

Систематическая и агрессивная дискредитация официальной науки, светского образования и доказательной медицины, насаждение антинаучных, оккультных, магических и конспирологических представлений о мире ведут к архаизации общественного сознания, подрывают авторитет знаний и доверие к фундамен-

тальным основам современной цивилизации. Эта деятельность представляет особую опасность в периоды социальных кризисов, таких как эпидемии, когда пропаганда отказа от вакцинации или от медицинской помощи может привести к самым тяжелым последствиям для здоровья населения.

Деятельность так называемых коммерческих культов, построенных по принципу финансовых пирамид и эксплуатирующих духовный поиск для личного обогащения, наносит серьезный ущерб экономической безопасности общества. Вовлекая тысячи граждан в мошеннические схемы, они не только разоряют конкретных людей, но и подрывают доверие к финансовым институтам, способствуют росту социального иждивенчества и распространению иррациональных моделей экономического поведения.

Наконец, четвертым, высшим уровнем общественной опасности является посягательство на основы конституционного строя и безопасности государства. Такого рода воздействие характерно для наиболее радикальных, политизированных и тоталитарных религиозных организаций. Их деятельность может быть прямо направлена на подрыв суверенитета, территориальной целостности и обороноспособности страны.

Общественная опасность здесь проявляется в нескольких формах. Во-первых, это уклонение от исполнения установленных законом гражданских обязанностей. Массовый и мотивированный религиозной доктриной отказ от службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, от уплаты налогов, от участия в переписи населения или выборах, от получения паспорта гражданина Российской Федерации представляет собой прямую угрозу функционированию государственных механизмов.

Во-вторых, некоторые деструктивные религиозные организации создают внутри себя нелегальные, параллельные структуры власти со своими собственными законами, нормами и «судебными» органами, которые подменяют собой легитимные государственные институты и требуют от адептов подчинения именно им, а не светскому законодательству.

В-третьих, наиболее радикальные организации могут пропагандировать и реализовывать планы по насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации, создавая незаконные вооруженные формирования, призывая к осуществлению экстремистской и террористической деятельности. Примером

такой трансформации религиозной организации в террористическую является японская секта «Аум Синрике» (запрещенная в РФ террористическая организация).

В этом контексте деструктивная религиозная организация перестает быть объектом исключительно религиоведческого или социально-психологического анализа и трансформируется в уголовно-правовое явление, рассматриваемое как организованная группа с религиозно-идеологической подоплекой, а ее деятельность необходимо оценивать как преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, а также против общественной безопасности. Данная угроза приобретает особую актуальность в свете необходимости формирования целостной национальной идеологии как системы ценностей, аргументирующей политические решения и консолидирующей общество на конкретном историческом этапе. Противоположным полюсом выступает деструктивная идеология, суть которой точно раскрывается в следующем определении: это «активные нападки со стороны иностранных... религиозных, экстремистских и террористических организаций», которые «оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации». Деятельность деструктивных культов является одним из ключевых каналов проникновения и операционализации этой враждебной идеологии во внутреннюю среду государства [3, с. 9].

Переход от посягательств на отдельных граждан к посягательствам на безопасность общества и государства является закономерным этапом эволюции наиболее радикальных культов, чья доктрина содержит элементы политического экстремизма, апокалиптические сценарии «последней битвы» с силами «зла» (под которыми понимается существующий государственный строй) и призывы к построению теократического государства на руинах светского. Внутренняя структура таких организаций, основанная на беспрекословном подчинении лидеру, жесткой иерархии, дисциплине и тотальном контроле, представляет собой готовую модель для создания экстремистского или террористического сообщества.

В тех случаях, когда деятельность группы приобретает систематический и целенаправленный характер, направленный на подготовку

или совершение преступлений экстремистской направленности, она подлежит квалификации по ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества». Для вменения данного состава необходимо доказать наличие устойчивой, структурированной группы лиц, заранее объединившихся для совершения преступлений, предусмотренных ст. 280, 282, 282.2 УК РФ и др., на почве религиозной ненависти или вражды.

Деструктивная религиозная организация идеально подходит под это определение: харизматичный лидер выступает в качестве организатора и руководителя, его ближайшее окружение – как руководящее ядро, а рядовые adeпты – как участники сообщества. Умысел на совершение экстремистских преступлений может быть доказан через анализ вероучительных текстов, проповедей, лекций, а также через выявление фактов специальной подготовки adeптов (идеологической, физической, боевой). Если же цели организации становятся еще более радикальными и включают в себя осуществление террористической деятельности, то есть совершение взрывов, поджогов или иных действий, устрояющих население и создающих опасность гибели человека, в целях дестабилизации деятельности органов власти, то деяния ее создателей и участников подлежат квалификации по ст. 205.5 УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации». Хрестоматийным примером такой трансформации, как уже отмечалось, является японская секта «Аум Синрике» (запрещенная в РФ террористическая организация), которая из синкретического религиозного движения превратилась в террористическую организацию, создавшую боевые отряды, наладившую производство боевых отравляющих веществ и совершившую газовую атаку в токийском метро.

Даже если организация не достигла стадии создания полноценного сообщества, ее лидеры и активные члены могут нести ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) или публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ).

Кроме того, нельзя исключать и следует рассматривать как реальную угрозу национальной безопасности возможность целенаправленного использования деструктивных религиозных организаций, особенно финансируемых из-за рубежа, в качестве инструмента гибридной войны и подрывной деятельности со стороны иностранных государств и их спец-

служб. В условиях современной геополитической конфронтации, когда методы прямого военного и политического давления дополняются технологиями «мягкой силы» и асимметричными действиями, религиозные и псевдорелигиозные группы могут стать эффективным оружием, направленным на ослабление и дестабилизацию государства.

Деструктивная религиозная организация представляет собой практически идеальный объект для такого внешнего управления. Во-первых, она обеспечивает прекрасное прикрытие, позволяя действовать под маской религиозной или гуманитарной деятельности и обеспечивая высокую степень правдоподобной отрицаемости для истинных кураторов. Во-вторых, она представляет собой уже готовую, структурированную и разветвленную сеть лояльных и идеологически мотивированных adeптов, которых не нужно вербовать по одному. В-третьих, абсолютная власть лидера и привычка adeптов к беспрекословному повиновению делают такую группу легкоуправляемой и способной к выполнению самых разных задач. В-четвертых, непрозрачные финансовые потоки, основанные на пожертвованиях и теневых схемах, являются удобным каналом для внешнего финансирования.

Инструментализация таких организаций может преследовать целый комплекс стратегических целей: от сбора разведывательной информации через adeптов, работающих на режимных объектах или в органах власти, до проведения широкомасштабных информационно-психологических операций, направленных на подрыв доверия к государственным институтам, дискредитацию традиционных ценностей, распространение панических слухов и теорий заговора. В периоды обострения внутривнутриполитической обстановки такие группы могут быть использованы для организации массовых беспорядков или даже диверсий.

Таким образом, анализ основных направлений разрушительного воздействия на личность, семью, общество, государство со всей очевидностью демонстрирует, что общественная опасность деятельности деструктивных религиозных организаций является системной и многогранной. Она заключается не просто в совершении отдельных преступлений, а в комплексном посягательстве на всю иерархию охраняемых законом ценностей – от неотъемлемых прав и свобод конкретной личности до фундаментальных основ существования общества и государства. Латентный характер причиняемого вреда, его психологическая по-

доплека и сложность юридической квалификации совершаемых деяний создают серьезные вызовы для правоохранительной системы и требуют выработки комплексных, междисциплинарных подходов к предупреждению, пресечению и расследованию преступлений, совершаемых в рамках деятельности данных организаций.

Библиографический список

1. Касперович Ю. Г. Мотивация экстремизма и факторы его формирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2 (49). С. 81–84.

2. Макеева И. С. Преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2023. 84 с.

3. Кардашова И. Б. Роль национальной идеи в обеспечении национальной безопасности // Современное право. 2025. № 1. С. 5–11.

References

1. Kasperovich Yu. G. Motivation of extremism and factors of its formation // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2012. No. 2 (49). Pp. 81–84.

2. Makeeva I. S. Extremist crimes that infringe on the foundations of the constitutional order and the security of the state: the training manual. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 84 p.

3. Kardashova I. B. The role of the national idea in ensuring national security // Modern law. 2025. No. 1. Pp. 5–11.

Информация об авторе

Макеева Ирина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Makeeva Irina S. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 21.10.2025; одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 21.10.2025; approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья

УДК 343.9

Об актуальности анализа социально-биологических факторов формирования личности преступника

Черняков Сергей Анатольевич

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Россия, sache2009@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется современное состояние российской криминологии, требующее критического переосмысления накопленных знаний. Аргументируется, что к числу положений, нуждающихся в пересмотре, относятся представления о соотношении биологического и социального при изучении личности преступника, основанные на современных достижениях нейронаук, когнитивных и иных наук о человеке.

Ключевые слова: личность преступника, соотношение социального и биологического, биосоциальная структура личности преступника

Для цитирования: Черняков С. А. Об актуальности анализа социально-биологических факторов формирования личности преступника // На страже закона. 2025. № 4. С. 25–28.

Original article

On the relevance of the analysis of socio-biological factors of the criminal's personality formation

Chernyakov Sergey A.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named
after I. D. Putilin, Belgorod, Russia, sache2009@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the current state of Russian criminology, which requires a critical rethinking of accumulated knowledge. It is argued that among the provisions in need of revision are ideas about the relationship between biological and social in the study of the criminal's personality, based on modern achievements in neuroscience, cognitive and other human sciences.

Keywords: criminal's personality, correlation of social and biological, biosocial structure of criminal's personality

For citation: Chernyakov S. A. On the relevance of the analysis of socio-biological factors of the criminal's personality formation // Law Enforcement. 2025. № 4. Pp. 25–28.

© Черняков С.А., 2025

Одним из приоритетных направлений деятельности человека является разработка технологий предотвращения неблагоприятных последствий. Наука и практика консолидируют усилия по мониторингу и прогнозированию чрезвычайных ситуаций природного, техногенного, экономического и социально-политического характера.

Среди широкого спектра направлений обеспечения безопасности обоснованно первоочередным является обеспечение криминальной безопасности общества, а также создание благоприятной среды для удовлетворения повседневных потребностей человека.

Проблема предупреждения преступности, независимо от национального и историко-географического аспектов, не перестает быть актуальной. При этом основным предметом научных изысканий и практического опыта остается личность преступника, а конкретно механизм формирования негативных качеств личности, позволяющих человеку совершить преступление. Многочисленные научные исследования и практика предупреждения преступности акцентируют внимание на различных факторах, влияющих на мотивацию преступной деятельности. Значение при этом имеют составляющие элементы личности как системы, определяющей уникальность индивида [1, с. 141].

Личность необходимо рассматривать с нескольких позиций: психологические черты, под которыми стоит понимать стабильные модели поведения, мышления и эмоций, отражающие индивидуальные различия; социальные признаки (личность формируется в контексте социального окружения, включающего взаимодействие с другими людьми [2, с. 5]); самосознание (восприятия себя как отдельного индивида и осознания своих характеристик и особенностей [3, с. 44]); эмоциональные реакции – способность и склонность человека к выражению и управлению эмоциями; опыт и воспоминания – жизненный опыт, играющий ключевую роль в формировании личности и др.

Психологи и философы по-разному интерпретируют термин «личность», часто используя различные теории и модели [4].

В криминологии [5, с. 37] понятие «личность» выделяется в отдельный тип – личность преступника [6]. При этом понятие «личность преступника» имеет как условный, так и формальный характер. Это обусловлено тем, что именно государство определяет виды поведения, которые можно квалифицировать как преступные. Законодатель без учета теории о

личности преступника может отменить уголовную ответственность за конкретные действия, устраняя тем самым состояние преступности личности неопределенного количества человек. То есть личность любого человека, совершившего противоправное деяние, невозможно рассматривать без учета его социальной сущности и связи с системой общественных отношений, в которой он участвует.

В социологии личность рассматривается как определенный индивид, который является субъектом социального взаимодействия и обладает системой значимых социальных качеств [7, с. 145].

С юридической точки зрения статус «преступник» присваивается лицу только в том случае, если он совершил противоправное деяние, и суд признал его виновным. Необходимо подчеркнуть, что термин «преступник», рассматриваемый в юриспруденции, не отражает всей полноты реальности. Преступник – это не просто обладатель определенной юридической категории, но и индивид, обладающий как биологическими, так и социальными характеристиками, присущими ему.

Таким образом, термин «личность преступника» объединяет социологический аспект личности и юридический аспект преступника. Хотя юриспруденция рассматривает термин «преступник» через призму противоправного деяния и судебного обвинения, это понятие не охватывает всей совокупности, в которой индивидуальные биологические и социальные особенности также имеют значение.

В контексте юриспруденции и криминологии личность приобретает особое значение. В юриспруденции личности присущи такие признаки, как правоспособность, дееспособность и др. Понятию «личность преступника» придается определенный характер, включающий в себя социальный и юридический аспекты, что позволяет учитывать не только биологические особенности индивида, но и его социальную сущность.

Для детального понимания сущности человека необходимо учитывать, что социальной природе людей сопутствует комплекс биологических характеристик, составляющих фундамент, на котором строятся все процессы, происходящие в организме человека. Многие проявления характера человека напрямую связаны с физиологическими процессами в его организме. Так, физиологическая потребность, связанная с репродуктивной функцией продолжения рода и размножения, влияет на поведение человека на протяжении всей его

жизни. В этом случае нервная система и химические реакции, происходящие в процессе воспроизводства этой функции, протекают у всех по-разному в зависимости от физиологических особенностей организма человека и, соответственно, по-разному влияют на формирование тех или иных качеств личности. Не менее определяющими в формировании личностных качеств выступают особенности возраста, пола, влияющие на социальные позиции и роли человека в обществе. Интеллектуальные возможности и физическое здоровье способны породить личностные качества доминирования, нетерпимости ко многим проявлениям социального общежития.

Таким образом, одни ученые утверждают, что преступность может быть результатом биологической предрасположенности, в то время как другие акцентируют внимание на социальных факторах [8, с. 44]. С нашей точки зрения, необходимо учитывать как индивидуальные особенности каждого человека, так и комплекс внешних обстоятельств, уникально влияющих на конкретного человека. Методологические вопросы изучения сочетания внутренних особенностей человека и внешних обстоятельств, оказывающих влияние на его личность очевидно перспективны не только для криминологии, но и для социальных, психологических, психиатрических, политологических наук, в предмет изучения которых входит личность человека.

Формирование личности преступника зависит от генетически определенных психофизических свойств, которые формируют его восприятие окружающей действительности и адекватность реакции на сложные жизненные обстоятельства [9, с. 190].

Важность изучения генетических и психологических особенностей личности как причин преступного поведения прослеживается в научных изысканиях многих криминологов. Так, И. С. Ной считает, что генетики могут сыграть ключевую роль в предупреждении преступности, выявляя негативные склонности и рекомендуя соответствующие меры, направленные на изменение социальной среды [10].

Также Ю. М. Антонян, выделяя биологический фактор как ключевой, акцентирует внимание на необходимости всестороннего изучения преступника с точки зрения психиатрии и психологии [11, с. 24]. Ученый предлагает использовать биотехнические методы и тесты для определения предрасположенности к преступной деятельности, что свидетельствует о глубоких биологических корнях преступного поведения.

По мнению ученых, генетическая предрасположенность наиболее вероятна среди убийц и насильников, у которых часто наблюдаются психические аномалии. Антисоциальный и аддиктивный образ жизни зачастую формируют у человека такие качества, как раздражительность, агрессивность, жестокость, снижение нравственных порогов допустимости антисоциального поведения, снижение волевых возможностей контроля эмоционального состояния.

Кроме того, современные условия психологической напряженности, связанные с воздействием на психику человека мощного информационного потока средств телекоммуникации, по-разному влияют на врожденные качества устойчивости к стрессовым ситуациям, порождая в некоторых случаях неврозы, формирующие, в свою очередь, негативные качества личности человека.

В итоге можно утверждать, что формирование личности преступника – это сложный процесс, в котором взаимодействуют биологические и социальные факторы. Генетическая предрасположенность и психофизиологические особенности важны, но их нельзя рассматривать в отрыве от социального контекста. Социальные условия, воспитание и окружение играют ключевую роль в развитии криминальной мотивации. В периоды кризиса усиливаются криминальные проявления, тем самым подчеркивается значимость внешних факторов. Психические аномалии могут способствовать развитию негативных черт, но не являются прямой причиной преступлений. Поэтому в криминологии, чтобы понять и предотвратить преступные наклонности, важно применять комплексный подход, сочетающий в себя биологический и социальный аспекты.

Библиографический список

1. Макгинн К. Понятие личности // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2024. № 9 (2).
2. Соловьева С. Л. Идентичность как ресурс выживания // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1 (48).
3. Гусейнова С. Д. Самосознание человека в современном мире: некоторые новые факторы влияния // Sciences of Europe. 2021. № 85-3.
4. Хоменко Н. В. Личность. Теории личности: учебно-методическое пособие. Минск: БГМУ, 2017. 28 с.
5. Антонян Ю. М. Что такое криминология // Научный портал МВД России. 2015. № 2.

6. Разумеева Я. А. Личность преступника в криминологии // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9.

7. Маркина Е. П. Сущность и специфика исследования понятия «личность» в социологии // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 4 (58). Ч. 2.

8. Гомонов Н. Д., Труш В. М., Пирогов П. П., Тимохов В. П. Детерминанты преступного поведения // Юридическая наука. 2020. № 1.

9. Панченко А. С. Личность преступника и некоторые факторы, влияющие на ее формирование // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 4 (38).

10. Ной И. С. Личность преступника и ее значение в изучении преступности в условиях социалистического общества // Ученые записки. Саратов, 1969. Вып. XVI.

11. Антонян Ю. М. Тяжкий путь познания преступника // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 7 (35).

11. Antonyan Yu. M. The hard way of knowing a criminal // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2017. No. 7 (35).

Информация об авторе

Черняков Сергей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Chernyakov Sergey A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 17.12.2025

References

1. McGinn K. The concept of personality // Omsk Scientific Bulletin. The series «Society. History. Modernity». 2024. No. 9 (2).

2. Solovyova S. L. Identity as a survival resource // Medical psychology in Russia. 2018. Vol. 10. No. 1 (48).

3. Huseynova S. D. Human self-awareness in the modern world: some new factors of influence // Sciences of Europe. 2021. No. 85-3.

4. Khomenko N. V. Personality. Theories of personality: an educational and methodological guide. Minsk: BSMU, 2017. 28 p.

5. Antonyan Yu. M. What is criminology? // The scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 2.

6. Yaslyayeva Ya. A. The identity of the criminal in criminology // Issues of Russian justice. 2020. No. 9.

7. Markina E. P. The essence and specifics of the study of the concept of «personality» in sociology // International Scientific Research Journal. 2017. No. 4 (58). Part 2.

8. Gomonov N. D., Trush V. M., Pirogov P. P., Timokhov V. P. Determinants of criminal behavior // Legal science. 2020. No. 1.

9. Panchenko A. S. The identity of the criminal and some factors influencing its formation // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4 (38).

10. Noah I. S. The personality of the criminal and its significance in the study of crime in a socialist society // Scientific notes. Saratov, 1969. Issue XVI.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья
УДК 343.36

Некоторые проблемы квалификации уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений

Щетинина Наталья Валерьевна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
shchetinina.74@mail.ru

Аннотация. В статье с учетом положений уголовного, административного и отраслевого законодательства рассмотрены проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ, сформулированы рекомендации по ее эффективному применению. В частности, выявлены проблемы, связанные с установлением момента окончания преступления, «неоднократности» и «сопряженности» действий, предусмотренных ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, а также признаков субъективной стороны содеянного.

Ключевые слова: административный надзор, уклонение, несоблюдение установленных ограничений, неприбытие без уважительных причин, самовольное оставление, сопряженность, неоднократность, квалификация

Для цитирования: Щетинина Н. В. Некоторые проблемы квалификации уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений // На страже закона. 2025. № 4. С. 29–36.

Original article

© Щетинина Н.В., 2025

Certain Issues of the Legal Qualification of Evasion from Administrative Supervision or Repeated Non-Compliance with Court-Imposed Restrictions Established in Accordance with Federal Law

Shchetinina Natalia V.

**Ural Law institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
shchetinina.74@mail.ru**

Abstract. The article examines problematic issues related to the legal qualification of crimes provided for in Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the provisions of criminal, administrative, and sector-specific legislation. Recommendations aimed at improving the effectiveness of the application of this provision are formulated. In particular, the study identifies issues associated with determining the moment of completion of the crime, the concepts of “repetition” and “concurrence” of actions stipulated in Part 2 of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the elements of the subjective side of the offense.

Keywords: administrative supervision, evasion, non-compliance with imposed restrictions, failure to appear without valid reasons, unauthorized departure, concurrence, repetition, legal qualification

For citation: Shchetinina N. V. Certain Issues of the Legal Qualification of Evasion from Administrative Supervision or Repeated Non-Compliance with Court-Imposed Restrictions Established in Accordance with Federal Law // Law Enforcement. 2025. № 4. Pp. 29–36.

Одним из способов защиты государственных и общественных интересов является установление административного надзора, задачи которого сводятся к предупреждению совершения лицами, указанными в ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ¹ (далее – Федеральный закон об административном надзоре), преступлений и других правонарушений и оказанию на них индивидуального профилактического воздействия.

Уголовно-правовыми средствами противодействия уклонению от административного надзора или несоблюдению установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений являются нормы ст. 314.1 УК РФ.

Согласно судебной статистике за период с 2020 по 2024 гг. в России по 45 297 преступлениям, предусмотренным ч. 1 и 2 ст. 314.1 УК РФ, вынесено 24 оправдательных приговора. При этом представленная статистика не включает

случаи, когда уголовные дела по ст. 314.1 УК РФ в момент их рассмотрения судом в соответствии со ст. 237 УПК РФ направлялись прокурору, а затем дознавателю для устранения нарушений, препятствующих рассмотрению уголовного дела в суде. Зачастую такие возвращенные дела подлежат прекращению в порядке предусмотренным ст. 237 УПК РФ. Это связано, в том числе, со сложностями, возникающими при установлении юридически значимых признаков соответствующих составов преступлений, служащих основанием для уголовной ответственности.

Одна из проблем, возникающих в следственной и судебной практике, связана с верным установлением момента окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, содержащей ответственность за неприбытие без уважительных причин лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, к избранному им месту жительства или пребывания в определенный администрацией исправительного учреждения срок, а равно самовольное оставление поднадзорным

¹ Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». URL: <http://www.consultant.ru>.

лицом места жительства, пребывания или фактического нахождения, совершенные в целях уклонения от административного надзора.

Юридический момент окончания первого из рассмотренных деяний – неприбытие при освобождении из мест лишения свободы к избранному месту жительства или пребывания в определенный срок – следует связывать с моментом истечения времени явки лица, в отношении которого установлен административный надзор, для постановки на учет в орган внутренних дел, а именно истечения 3-дневного срока со дня прибытия, указанного в предписании. При этом истечение указанного срока является начальным моментом исчисления срока давности уголовного преследования. Так, К. освобожден от назначенного по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Он с целью уклонения от административного надзора не прибыл после освобождения из мест лишения свободы к избранному им месту пребывания без уважительных причин 10 июля 2021 г. и в течение трех рабочих дней после освобождения, то есть до 12 июля 2021 г. включительно, не явился для постановки на учет в отдел внутренних дел. На момент апелляционного рассмотрения дела (24 августа 2023 г.) срок давности привлечения его к уголовной ответственности, исчисляемый с 13 июля 2021 г., истек¹.

При самовольном оставлении поднадзорным лицом места жительства, пребывания или фактического нахождения, момент юридического окончания преступления зависит от формы. Так, преступление следует считать оконченным с момента:

а) установления факта непроживания (непребывания) поднадзорного лица в помещении, являющемся местом жительства либо пребывания (в случае непроживания (непребывания) лица по месту жительства или пребывания);

б) пересечения пределов территории без разрешения органа внутренних дел, выданного в соответствии с ч. 3 ст. 12 Федерального закона об административном надзоре (в случае выезда за установленные судом пределы территории без разрешения органа внутренних дел);

в) истечения 3-дневного срока со дня прибытия к месту временного пребывания (в случае получения по исключительным личным

обстоятельствам, предусмотренным ч. 3 ст. 12 Федерального закона об административном надзоре, разрешения органа внутренних дел на пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания, и (или) на краткосрочный выезд за установленные судом пределы территории).

Не каждый факт неприбытия поднадзорного лица к избранному месту жительства (пребывания) либо оставления им данного места требует проведения процессуальной проверки на предмет установления оснований привлечения его к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ. Возможно, что принятые меры приведут к установлению места нахождения поднадзорного лица и выяснению причин его неприбытия к месту жительства (пребывания) либо оставления места проживания и их уважительность. В случае установления признаков уклонения его от административного надзора, а также в случае невозможности получить сведения о местонахождении лица и о причинах его неприбытия либо оставления места жительства (пребывания) должностным лицом, участвующим в осуществлении административного надзора, должен быть составлен рапорт об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ) [1].

При применении ст. 314.1 УК РФ следует иметь в виду, что последовательное совершение виновным лицом нескольких деяний, указанных в ч. 1, не образует совокупности преступлений и должно квалифицироваться как единое преступление.

Так, Г. был признан виновным и осужден по совокупности двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 314.1 и ч. 1 ст. 314.1 УК РФ за неприбытие к избранному месту жительства в течение трех дней после освобождения из мест лишения свободы и за самовольное оставление места жительства². Исключая совокупность и изменяя квалификацию на одну статью уголовного закона, суд указал, что действия фигуранта носили продолжаемый характер и охватывались единым умыслом. Исходя из правил квалификации преступлений, характеризующихся альтернативными признаками, представляется, что совокупность не образуется и в тех случаях, когда действия виновного лица не охвачены единым умыслом.

С субъективной стороны преступление характеризуется виной в виде прямого умысла и

¹ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 марта 2024 г. № 77-954/2024. URL: <http://www.consultant.ru>.

² Изучение судебной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 314.1 УК РФ – уклонение от административного надзора. URL: <http://oblsud.oms.sudrf.ru>.

целью – уклониться от административного надзора. Исходя из разъяснений высшей судебной инстанции, на наличие такой цели могут указывать фактические обстоятельства, свидетельствующие в каждом конкретном случае о намерении соответствующего лица препятствовать осуществлению контроля либо избежать контроля со стороны органов внутренних дел за соблюдением установленных ему судом административных ограничений или ограничений, указанных в ч. 1 ст. 4 Федерального закона об административном надзоре, а также за выполнением обусловленных этими ограничениями обязанностей, перечисленных в ч. 1 ст. 11 того же закона. При этом, если лицо, в отношении которого установлен административный надзор, в определенный срок не прибыло к месту жительства или пребывания, либо поднадзорное лицо временно его оставило без разрешения органа внутренних дел, например, в связи с необходимостью навестить тяжело больного близкого родственника, получить неотложную медицинскую помощь, которая не оказывается в населенном пункте, где он проживает, и т. п., не имея намерения избежать контроля со стороны органов внутренних дел, такое деяние не является уголовно наказуемым¹.

Так, М. был оправдан в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, а именно с отсутствием у него цели – уклониться от административного надзора. Ему вменялось в вину самовольное оставление места жительства. Однако было установлено, что М. работал вахтовым методом и выезжал на работу по маршрутному листу, который он отметил, но забыл на вахте и не сдал, поэтому, побоявшись наказания, решил еще раз съездить на вахту, забрать маршрутный лист и сдать его в полицию. Соответственно, намерений уклоняться от административного надзора М. не имел².

Вместе с тем, если причина оставления лицом места жительства (пребывания) лишь сопутствует цели уклонения от административного надзора, лицо подлежит уголовной ответственности³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (п. 3). URL: <http://www.consultant.ru>.

² Изучение судебной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 314.1 УК РФ – уклонение от административного надзора. URL: <http://oblsud.oms.sudrf.ru>.

³ Вопросы квалификации преступлений, предусмо-

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, – специальный:

– в случае неприбытия без уважительных причин при освобождении из мест лишения свободы к избранному месту жительства или пребывания в определенный администрацией исправительного учреждения срок – лицо, в отношении которого *установлен* административный надзор;

– в случае самовольного оставления места жительства, пребывания или фактического нахождения – поднадзорное лицо, под которым согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона об административном надзоре понимается лицо, в отношении которого уже *осуществляется* административный надзор.

Несмотря на некоторую нетождественность используемых формулировок, и в том, и в другом случаях речь идет о лицах, указанных в ст. 3 Федерального закона об административном надзоре.

В судебной практике допускаются ошибки, связанные с неправильным установлением признаков субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ. Так, согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона об административном надзоре административный надзор может быть установлен, в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение одного из перечисленных в указанной норме преступлений. Возникающие вопросы, в частности, связаны с необоснованным отнесением к лицам, *освобождаемым или освобожденным из мест лишения свободы*, тех, кто условно-досрочно освобожден. Так, С. был признан виновным и осужден по ст. 314.1 УК РФ. Отменяя приговор районного суда, суд апелляционной инстанции указал, что на момент установления С. административного надзора он считался лицом, не отбывшим наказание, и административный надзор мог быть ему установлен только после истечения срока условно-досрочного освобождения⁴. При этом на принятие данного решения не повлияло то обстоятельство, что уклонение от административного надзора было совершено С. уже после

транных ст. 314.1 УК РФ. Судебная практика – Верховный суд Республики Бурятия. URL: <https://arbitr.garant.ru>.

⁴ Изучение судебной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 314.1 УК РФ – уклонение от административного надзора. URL: <https://arbitr.garant.ru>.

истечения срока условно-досрочного освобождения.

По другому делу, за Б. было признано право на реабилитацию. Уклонение от административного надзора было совершено им в период условно-досрочного освобождения¹.

Таким образом, лицо не может подлежать уголовной ответственности за уклонение от административного надзора при его установлении с нарушением нормативных предписаний.

Обязательными условиями применения ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, является:

- а) *неоднократность* такого несоблюдения;
- б) его *сопряженность* с одним из административных правонарушений, перечисленных в диспозиции указанной нормы.

В соответствии с примечанием к ст. 314.1 УК РФ *неоднократным* несоблюдением лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, признается несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

Аналогичными следует считать правонарушения в виде несоблюдения административных ограничений или ограничений, установленных судом в соответствии с Федеральным законом об административном надзоре, за которые предусмотрена ответственность ч. 1 и 3 ст. 19.24 КоАП РФ. При этом не соблюденные в каждом конкретном случае ограничения могут отличаться, что не является препятствием для признания их в качестве аналогичных.

Из контекста примечания к ст. 314.1 УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ²

¹ Изучение судебной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 314.1 УК РФ – уклонение от административного надзора. URL: <https://arbitr.garant.ru>.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (п. 8). URL: <http://www.consultant.ru>.

следует, что для установления *неоднократности* применительно к ч. 2 ст. 314.1 УК РФ необходимо, чтобы на момент уголовно-наказуемого несоблюдения лицом административных ограничений или ограничений лицо считалось подвергнутым административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, то есть за *повторное* в течение одного года несоблюдение установленных административных ограничений или ограничений. При этом, как следует из п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, повторное административное правонарушение должно быть совершено в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию за совершение первого административного правонарушения.

Таким образом, несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, может быть простым (ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ), повторным (ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ) или неоднократным (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ)³.

При этом при установлении признака «неоднократности» применительно к ч. 2 ст. 314.1 УК РФ необходимо учитывать, что несоблюдение административных ограничений, предшествовавших привлечению к уголовной ответственности, может подлежать уголовно-правовому учету только в тех случаях, когда оно подтверждено вступившим в законную силу судебным актом о привлечении соответствующего лица к административной ответственности за их совершение, в связи с чем текст обвинительного акта должен содержать соответствующую информацию.

Игнорирование указанного обстоятельства, является основанием для отмены судебных решений. Так, суд, вынося обвинительный приговор за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, исходил из того, что Т. на момент нарушения им установленного 27 января 2020 г. ограничения, сопряженного с совершением данным лицом административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, уже более двух раз в течение года привлекался к административной ответственности за совершение административных

³ Обобщение судебной практики рассмотрения районными судами республики уголовных дел по ст. 314.1 УК РФ за 2019 год и истекший период 2020 года (утв. Президиумом Верховного Суда Республики Мордовия 12 февраля 2021 г.). URL: <https://arbitr.garant.ru>.

правонарушений, предусмотренных ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ. Как следовало из приговора суда, Т. на момент нарушения установленного ему 27 января 2020 г. ограничения был подвергнут административным наказаниям за совершение четырех правонарушений, предусмотренных ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, лишь 10 января 2020 г. Между тем совокупность данных правонарушений в силу ст. 4.6 КоАП РФ повторности не образует, поскольку все судебные решения по ним вступили в силу 21 января 2020 г. Из содержания обвинительного акта следовало, что, излагая формулировку обвинения, дознаватель не привел данных о том, что Т. до 10 января 2020 г. в течение года многократно привлекался к административной ответственности по ч. 1 и ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ за несоблюдение установленных ему судом административных ограничений, а лишь привел общую информацию о неоднократном нарушении установленных административным надзором ограничений¹.

По другому делу К. осужден по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Однако было установлено, что на момент нарушения ограничения, совершенного 29 января 2020 г. он 11 декабря 2019 г. был подвергнут административному наказанию (постановление вступило в законную силу 24 декабря 2019 г.) за совершение 16 ноября 2019 г. правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ. А за совершение 20 января 2020 г. административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, он вообще не был привлечен к административной ответственности, так как мировым судьей постановление было вынесено только 31 января 2020 г. и вступило в законную силу 12 февраля 2020 г. При таких обстоятельствах допущенное К. 29 января 2020 г. нарушение установленного ему ограничения по отношению к предыдущему административному правонарушению, за которое он был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ (11 декабря 2019 г.) в рамках одного года, образует лишь повторность, но не неоднократность, являющуюся признаком состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ².

¹ Обобщение судебной практики рассмотрения районными судами республики уголовных дел по ст. 314.1 УК РФ за 2019 год и истекший период 2020 года (утв. Президиумом Верховного Суда Республики Мордовия 12 февраля 2021 г.). URL: <https://arbitr.garant.ru>.

² Обобщение судебной практики рассмотрения районными судами республики уголовных дел по ст. 314.1 УК РФ за 2019 год и истекший период

Административная преюдициальность ч. 2 ст. 314.1 УК РФ актуализирует необходимость рассмотрения вопроса о признании соответствующих деяний в качестве единого правонарушения или нескольких правонарушений, требующих самостоятельной административно-правовой оценки.

В соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 40³, если нарушение нескольких административных ограничений (например, запрещения выезда за установленные судом пределы территории и запрещения посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях) совершается поднадзорным лицом *одним действием (бездействием)*, содеянное надлежит квалифицировать как *одно административное правонарушение*.

Из контекста п. 9 названного постановления следует, что систематическое нарушение установленного решением суда об установлении административного надзора одного и того же ограничения, а также последовательное (не связанное единым временным периодом) нарушение нескольких административных ограничений, требует самостоятельной административно-правовой оценки по ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ⁴.

В административной практике ошибочно допускается «двойной» учет содеянного: и при решении вопроса об уголовной ответственности, и при установлении признаков административно-наказуемого деяния.

Так, при квалификации содеянного по ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ и по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ учитывались одни и те же обстоятельства, составляющие объективную сторону составов указанных административного правонарушения и преступления, что явилось основанием прекращения

2020 года (утв. Президиумом Верховного Суда Республики Мордовия 12 февраля 2021 г.). URL: <https://arbitr.garant.ru>.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 40 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с несоблюдением административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре». URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 40 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с несоблюдением административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре» (п. 9). URL: <http://www.consultant.ru>.

производства по делу об административном правонарушении. Постановлением мирового судьи судебного участка № 1 Екатериновского района Саратовской области М. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ. В протесте первый заместитель прокурора Саратовской области просил об отмене названного акта и прекращении производства по делу об административном правонарушении на основании п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, указывая на то, что в отношении М. по обстоятельствам, аналогичным установленным мировым судьей в обжалуемом постановлении, вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Таким образом, при квалификации действий М., в отношении которого установлен административный надзор и который повторно в течение одного года совершил административное правонарушение, при этом не соблюдал административные ограничения или ограничения, установленные ему судом в соответствии с федеральным законом, дважды учитываются одни и те же признаки объективной стороны. Судья Первого кассационного суда общей юрисдикции протест заместителя прокурора удовлетворил, постановление мирового судьи отменил, производство по делу об административном правонарушении прекратил¹.

Соответственно, при решении вопроса об уголовной ответственности необходимо три факта несоблюдения установленных судом ограничений: за первые два лицо должно быть привлечено к административной ответственности по ч. 1 и 3 ст. 19.24 КоАП РФ, третий факт должен содержать признаки уголовно-наказуемого деяния при условии его *сопряженности* с одним из административных правонарушений, перечисленных в диспозиции ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. При этом сопряженность предшествующих третьему факту административных правонарушений с одним из перечисленных в диспозиции ч. 2 ст. 314.1 УК РФ правонарушений не требуется.

Так, по приговору Еланского районного суда Волгоградской области от 1 декабря 2021 г. М. осужден по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 4 марта 2022 г. приговор оставлен без изменения. Кассационным определением су-

дебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26 сентября 2022 г. вышеуказанные приговор и апелляционное определение в части осуждения М. по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ отменены с прекращением уголовного преследования за отсутствием в деянии состава преступления, а именно неоднократности несоблюдения установленного ему судом административного ограничения. В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ, выражая несогласие с определением суда кассационной инстанции, указал, что, отменяя приговор в части осуждения М. по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ со ссылкой на отсутствие неоднократности несоблюдения установленного ему судом административного ограничения в виде запрета пребывания вне места жительства в ночное время, суд пришел к ошибочному выводу о том, что каждое из инкриминированных М. предшествующих совершению преступления административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.24 КоАП РФ, должно быть сопряжено с нарушением порядка управления либо иными, указанными в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ противоправными деяниями. М. в течение 2020 года трижды нарушил ограничения, установленные в связи с осуществлением в отношении него административного надзора, при этом последнее такое деяние было сопряжено с совершением административного правонарушения, посягающего на общественный порядок, в связи с чем в его действиях содержится состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, и оснований для прекращения его уголовного преследования у суда кассационной инстанции не имелось. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, соглашаясь с мнением прокурора и отменяя решение кассационного суда общей юрисдикции в части осуждения М. по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, указала, что в диспозиции ч. 2 ст. 314.1 УК РФ не содержится требований о том, чтобы все ранее совершенные виновным административные деяния были сопряжены с иными правонарушениями, перечисленными в данной норме закона².

«Сопряженность» имеет место только в том случае, когда хотя бы одно из перечисленных в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ административных правонарушений *совершено именно в период* неоднократного несоблюдения административных

¹ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июля 2022 г. № 16-5085/2022. URL: <http://www.consultant.ru>.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2023 г. № 16-УДП23-5-К4. URL: <http://www.consultant.ru>.

ограничения или ограничений. В связи с этим одновременность совершения неоднократно-го уголовно-наказуемого несоблюдения ограничений с административным правонарушением должна быть установлена и следовать из материалов дела.

Рассмотренные особенности квалификации уклонения от административного надзора или неоднократно несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений позволят решить возможные теоретические и прикладные проблемы, связанные с применением ст. 314.1 УК РФ, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности расследования соответствующих преступлений.

Библиографический список

1. Артамонов А. Н. Производство предварительной проверки и дознания по фактам уклонения от административного надзора (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ) // Законодательство и практика. 2017. № 1. С. 3–7.

References

1. Artamonov A. N. Preliminary inspection and inquiry on the facts of evasion from administrative supervision (part 1 of art. 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Legislation and practice. 2017. No. 1. Pp. 3–7.

Информация об авторе

Щетинина Наталья Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Shchetinina Natalia V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья

УДК 343.721

Обман в цене**Хромов Евгений Владиленович****Прокуратура Ивановской области, Гаврилов Посад, Россия,****hromov_evgeniy@mail.ru**

Аннотация. На сегодняшний день вопрос о существовании мошеннического обмана в цене на практике и в доктрине окончательно не разрешен. Автором предложены критерии юридической оценки продажи ненужных товаров престарелым.

Ключевые слова: обман в личности, фактах, намерениях, стоимости, цене

Для цитирования: Хромов Е. В. Обман в цене // На страже закона. 2025. № 4. С. 37–40.

Original article**Price deception****Khromov Evgeniy V.****Gavrilovo-Posad district of the prosecutor's office of the Ivanovo region, Gavrilov****Posad, Russia, hromov_evgeniy@mail.ru**

Abstract. To date, the question of the existence of fraudulent price fraud has not been definitively resolved in practice and in doctrine. The author suggests criteria for the legal assessment of the sale of unnecessary goods to the elderly.

Keywords: deception in person, facts, intentions, cost, price

For citation: Khromov E. V. Price deception // Law Enforcement. 2025. № 4. Pp. 37–40.

В правоприменительной практике длительное время окончательно не разрешен вопрос о наличии признаков преступления в случае продажи товаров по сверхзавышенной цене при отсутствии признаков обмана в качестве и количестве. Например, продажа на дому престарелым людям массажных приспособлений, светодиодных лампочек по цене, в 10 раз превышающей их рыночную стоимость.

Вопрос о возможности квалификации подобных действий как мошенничество возвращает нас к дискуссии о существовании обмана в цене. Рассмотрим основные подходы к этому вопросу в доктрине.

1. Обман в цене является разновидностью обмана в качестве, то есть в предмете. Объявление завышенной цены за вещь является спосо-

бом выдачи одного имущества за другое, более ценное [1, с. 109]. Данный подход основан на признании цены объективным признаком имущества. Если обманом может быть признано сообщение любой заведомо ложной информации, вне зависимости от формы, в которую он облачен [2], то и препятствий для признания обмана в цене способом мошенничества нет [3; 4].

2. Сам по себе обман в цене (без обмана в качестве, количестве и т. п.) в условиях рыночных отношений, не связанных с государственным регулированием цен, невозможен. В силу п. 1 ст. 424 ГК РФ цена товара устанавливается соглашением сторон и, как известно, «купец в цене волен». Цена товара не являет-

ся объективным признаком его качества [5], поскольку определяется участниками сделки самостоятельно по внутреннему убеждению. Приобретение товара по завышенной цене не означает, что имел место обман, так как причиной произошедшего могли стать поспешные и опрометчивые действия самого покупателя, не связанные с неправомерным поведением продавца [6].

Согласно абз. 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в том числе и к стоимости имущества. Значит ли это, что обман в цене как способ совершения мошенничества существует, и следует признать единственно верным первый из проиллюстрированных выше подходов? Представляется, что нет.

Цена не есть стоимость. В приведенных разъяснениях Пленума речь идет об обмане в рыночной (меновый) стоимости как объективной категории. Обман в стоимости – это обман в эквивалентно-обменных свойствах товара, то есть обман в фактах (событиях). Например, виновное лицо убеждает потерпевшего приобрести 1000 центральноафриканских франков (КФА) за 500 Евро, убеждая, что банковский курс составляет 1:1, а причина продажи – срочная поездка в Европу (фактически 1000 КФА стоит 1,5 Евро). В приведенном случае обман был относительно существующего курса валют, эквивалентно-обменных свойств КФА, то есть относительно стоимости.

Обман в цене не следует отождествлять с обманом в предмете (качестве). Цена в условиях рыночных отношений является не объективным, а субъективным признаком товара, определяемым волею сторон. Обман в предмете может иметь место лишь относительно его объективных свойств (качества, количества и т. п.). В субъективных же свойствах товара в момент совершения сделки обман как форма поведения виновного невозможен. Продавец, исходя из собственных убеждений и принципа свободы договора, вправе предложить покупателю купить товар по любой цене. В данной форме поведения никакого искажения истины (обмана) не происходит. Если воля потребителя на согласие или отвержение предложенной цены не ограничена иными формами обмана, то никакого мошенничества здесь нет.

Обман в цене возможен в случае превышения максимальной цены на товары, установ-

ленной государством (например, лекарственные препараты).

В такой ситуации максимальная цена выступает уже не субъективным, а объективным признаком имущества и не зависит от воли участников сделки. Вместе с тем обман в сфере государственного регулирования цен образует состав административного правонарушения в сфере предпринимательской деятельности, предусмотренный ст. 14.6 КоАП РФ.

Таким образом, обман в цене как способ совершения мошенничества невозможен. Субъективное предложение продавца (цена) не является заведомо ложной информацией, так как формируется с учетом его собственного внутреннего убеждения и стремления извлечь максимальную прибыль, что само по себе законом не запрещено. Обман как форма искажения истины может иметь место лишь относительно объективных признаков содеянного.

Схожая позиция отражена в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам: Ф. обратилась в суд с иском к М. о признании договора купли-продажи швейного оборудования за 2 млн рублей, при его рыночной стоимости 76,6 тыс. рублей, недействительным, заключенным под влиянием обмана. Верховный Суд Российской Федерации в удовлетворении иска отказал, указав следующее: завышение цены договора купли-продажи само по себе не свидетельствует о недобросовестности продавца, об обмане или злоупотреблении с его стороны, поскольку Ф. была надлежаще осведомлена о том, что именно покупает и за какую цену¹.

Полагаем возможным рассмотреть случаи продажи товаров по завышенной цене через призму пассивного обмана (обман умолчанием). Относительно содержания обмана умолчанием в доктрине также существует несколько точек зрения:

1. Пассивный обман заключается в невыполнении вытекающей не только из правовых, но и из моральных норм обязанности сообщить истинные факты [6, с. 61–64].

2. Мошеннический обман умолчанием возможен лишь при наличии закрепленной в законе или договоре юридической обязанности сообщить определенные обстоятельства [7; 8]. И. Я. Фойницкий писал, что «умолчавший не обязан юридически говорить правду (обязан-

¹ Пункт 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г. URL: <https://www.consultant.ru>.

ность быть правдивым есть лишь обязанность нравственная)» [9].

3. При пассивном обмане обязанность сообщения истинных фактов вытекает из принципа добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Согласно абз. 2 п. 2 ст. 179 ГК РФ обманом считается, в том числе, и намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота [10].

Исходя из п. 5 ст. 10, абз. 2 п. 2 ст. 179 ГК РФ, абз. 2 п. 99 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25, верной представляется позиция, согласно которой пассивным обманом может быть признано нарушение вытекающей из принципа добросовестности действий участников гражданского оборота юридической обязанности сообщать истинные факты о существенных обстоятельствах сделки. Однако нельзя при реализации товаров по завышенной цене признать пассивным обманом несообщение продавцом их реальной стоимости. Обычаи делового оборота в условиях рыночной экономики не требуют от продавца сообщать покупателю рыночную (меновую) стоимость товара. Следовательно, в рассматриваемой нами ситуации обманом не может быть признано несообщение продавцом реальной стоимости товаров.

В случае отсутствия при продаже товаров по завышенным ценам обмана в личности продавца, предмете, фактах (событиях) содеянное не может быть признано мошенничеством. Вместе с тем оно может быть признано кражей, но лишь в том случае, если будет установлено, что у потерпевшего имелось существенное снижение эмоционально-волевой сферы. Подобный факт может быть обусловлен не только психическими, но и психологическими особенностями потерпевшего, влекущими невозможность осознания им значения совершаемых с ним действий и оказания им сопротивление. Однако для такого вывода необходимо заключение специалиста (психолога). Например, если престарелое лицо, приобретая лампочки по завышенной цене, не осознавало в силу психологических особенностей значение совершаемых с ним действий и (или) не могло оказывать им сопротивление, содеянное при наличии иных оснований следует расценивать как кражу, исходя из объективного критерия тайности. Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике

по делам о краже, грабеже и разбое» хищение является тайным, если присутствующие лица не осознавали и не расценивали действия виновного как преступление (на что и рассчитывал злоумышленник) в силу психических (психологических) недостатков, малолетнего возраста и иных причин [11]. В рассматриваемых ситуациях, выбирая в качестве потенциального потребителя престарелых, виновное лицо рассчитывает на наличие у них нарушений когнитивных способностей, влекущих отсутствие осознания противоправности совершаемых с ними действий.

Проведенный анализ позволил сформулировать следующие выводы:

1. Обман в цене как способ совершения мошенничества невозможен. Превышение регулируемых государством цен влечет наступление административной ответственности по ст. 14.6 КоАП РФ (правонарушение в области предпринимательской деятельности).

2. Обман в стоимости – умышленное искажение или сокрытие эквивалентно-обменных свойств товара с целью введения в заблуждение потерпевшего. Совершение мошенничества путем обмана в стоимости, в отличие от обмана в цене, возможно.

3. Для признания обмана способом совершения мошенничества необходимо, чтобы соответствующее действие или бездействие виновного лица состояло в причинной связи с ошибкой или заблуждением потерпевшего.

4. Продажа товаров по завышенной цене престарелому лицу, которое не способно понимать направленность и социальное значение совершаемых с ним действий и оказывать им сопротивление, на что и рассчитывает злоумышленник, следует квалифицировать как кражу.

Библиографический список

1. Никифоров Б. С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. М.: Изд-во «АН СССР», 1952. 109 с.
2. Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Социалистическая собственность под охраной закона. М.: Юридическая литература, 1979. 44 с.
3. Курсаев А. В. Мошенничество с обманом в цене // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 1. С. 61–74.
4. Кузнецова А. Н. Уголовно-правовой анализ обмана и злоупотребления доверием при совершении мошенничества (ст. 159 УК РФ) // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 67–70.

5. Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. М.: Изд-во СГУ, 2006. Т. 2. 112 с.

6. Борзенков Г. Н. Ответственность за мошенничество : (Вопросы квалификации) / Весоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. Москва: Юрид. лит., 1971. 168 с.

7. Кибальник А. Г. Квалификация мошенничества в новом постановлении Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 61–67.

8. Петров С. А. Способ мошенничества – пассивный обман // Уголовное право. 2016. № 5. С. 57–62.

9. Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. М.: Изд-во СГУ, 2006. Т. 2. 165 с.

10. Яни П. С. Мошенничество: момент возникновения умысла // Законность. 2017. № 5. С. 32–36.

11. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

11. Kochoi S. M. Responsibility for mercenary crimes against property under Russian law: dis. ... Dr. jurid. Sciences. Moscow, 1999.

Информация об авторе

Хромов Евгений Владиленович – почетный работник прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат технических наук

Information about the author

Khromov Evgeniy V. – honorary employee of the prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Law, Candidate of Technical Sciences

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 17.12.2025

References

1. Nikiforov B. S. The fight against fraudulent encroachments on socialist and personal property under Soviet criminal law. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. 109 p.

2. Vladimirov V. A., Lyapunov Yu. I. Socialist property under the protection of the law. M.: Legal literature, 1979. 44 p.

3. Kursaeв A. V. Price fraud // Law: history and modernity. 2022. Vol. 6. No. 1. Pp. 61–74.

4. Kuznetsova A. N. Criminal law analysis of deception and abuse of trust in the commission of fraud (art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Legal Science. 2014. No. 3. Pp. 67–70.

5. Foynitsky I. Ya. Fraud in Russian law. M.: SSU Publishing House, 2006. Vol. 2. 112 p.

6. Borzenkov G. N. Responsibility for fraud: (Qualification issues) / Vesoyuz. institute for the study of Causes and Development. crime prevention measures. Moscow : Jurid. lit., 1971. 168 p.

7. Kibalnik A. G. Qualification of fraud in the new resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal Law. 2018. No. 1. pp. 61-67.

8. Petrov S. A. The method of fraud is passive deception // Criminal Law. 2016. No. 5. pp. 57-62.

9. Foynitsky I. Ya. Fraud in Russian law. Moscow: Publishing House of SSU, 2006. Vol. 2. 165 p.

10. Yani P. S. Fraud: the moment of intent // Legality. 2017. No. 5. pp. 32-36.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Научная статья
УДК 343.131

Некоторые особенности рассмотрения судом жалоб участников процесса на решения, действия (бездействие) органов уголовного преследования

Делль Дарья Александровна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
saushkina_dasha@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации судом контрольных полномочий на досудебных стадиях уголовного производства в соответствии со ст. 125 УПК РФ. На основе анализа судебной практики демонстрируется значение судебного контроля для обеспечения законности в досудебном производстве. Особое внимание уделяется несовершенству положений источников толкования права, на которые опираются суды, а также анализируются конкретные примеры из судебной практики, позволяющие выявить проблемные аспекты. В заключение предлагаются меры по совершенствованию норм, содержащихся в ст. 125 УПК РФ, включая установление требований к содержанию жалобы и порядку действий суда при наличии недостатков.

Ключевые слова: судебный контроль, досудебное производство, апелляционное обжалование, кассационная инстанция

Для цитирования: Делль Д. А. Некоторые особенности рассмотрения судом жалоб участников процесса на решения, действия (бездействие) органов уголовного преследования // На страже закона. 2025. № 4. С. 41–46.

Original article

Some features of the court's consideration of complaints from participants in the proceedings against decisions, actions (inaction) of criminal prosecution authorities

Dell Daria A.
Ural Law Institute of the Ministry of interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
saushkina_dasha@mail.ru

© Делль Д.А., 2025

Abstract. This article examines the challenges of exercising supervisory powers by the court at the pre-trial stages of criminal proceedings in accordance with Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on an analysis of judicial practice, it demonstrates the importance of judicial review in ensuring the rule of law in pre-trial proceedings. Particular attention is paid to the imperfections of the sources of legal interpretation on which the courts rely, and specific examples from judicial practice are analyzed to identify problematic aspects. Finally, specific measures are proposed to improve Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, including establishing requirements for the content of a complaint and the court's procedure in the event of deficiencies.

Keywords: judicial review, pre-trial proceedings, appeal

For citation: Dell D. A. Some features of the court's consideration of complaints from participants in the proceedings against decisions, actions (inaction) of criminal prosecution authorities // Law Enforcement. 2025. № 4. Pp. 41–46.

На протяжении столетий суд воспринимается как орган, гарантирующий законность и правосудие, функции которого реализуются как на досудебных, так и на судебных стадиях производства по уголовному делу. Однако эти функции имеют различную процессуальную природу: если на судебных стадиях перед судом стоит задача осуществления правосудия, что предполагает рассмотрение дела путем исследования и оценки всех представленных доказательств, в конечном итоге, принятие решения по существу уголовного дела, то на досудебных стадиях функции суда сводятся к реализации контрольных полномочий, нашедших свое отражение сначала в Конституции РФ 1991 г, а затем и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 г. Однако широкое развитие института судебного контроля в отечественном судопроизводстве случилось значительно раньше и связано с проведением судебной реформы 1864 г., результатом которой стало разграничение функций судебных следователей и административного дознания. Сам факт принадлежности первых к судебной системе указывал на возможность реализации судом контролирующей функции в отношении следователей.

Функция судебного контроля имеет важнейшее значение для обеспечения законности в ходе производства по уголовному делу. В структуре данной функции выделяют основные направления: осуществление предварительного и последующего судебного контроля в отношении мер пресечения, отдельных следственных и иных процессуальных действий; рассмотрение жалоб на действия и решения субъектов предварительного расследования. В обоих случаях осуществление судебного

контроля направлено на обеспечение неукоснительного соблюдения требований закона, недопущение нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Несмотря на фундаментальную роль судебного контроля в правовой системе, его теоретическое осмысление и законодательное регулирование остаются недостаточно развитыми. В научном сообществе продолжают дискуссии о статусе судебного контроля как самостоятельной судебной функции и о его внутренней структуре. Кроме того, действующее процессуальное законодательство содержит пробелы, не позволяющие эффективно разрешать все вопросы, возникающие в процессе осуществления судебного контроля.

Так, согласно ч. 3 ст. 29 УПК РФ суд правомочен в ходе досудебного производства рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в случаях и порядке, которые предусмотрены ст. 125 УПК РФ.

Сама по себе возможность обжалования в суд решений и действий на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования положительно оценивается современными учеными, однако исследователи отмечают, что в этом порядке существует множество неразрешенных проблем [1, с. 92]. В частности, отмечается, что ст. 125 УПК РФ не устанавливает ни требований к содержанию жалобы и приложениям, ни порядок действий судьи при поступлении жалобы, в которой, например, отсутствует обоснование обжалуемого действия или подтверждение совершения

оспариваемого действия или бездействия.

Ст. 125 УПК РФ не определяет перечень действий и решений, которые могут быть обжалованы в установленном порядке. С одной стороны, исчерпывающим образом такой перечень определить невозможно, с другой – в отсутствие рамок по таким действиям и решениям полномочия по рассмотрению жалоб возложены одновременно и на прокурора, и на суд. Такое положение приводит к снижению самостоятельности в уголовном судопроизводстве прокурора, на которого одновременно с этим возложены полномочия по осуществлению прокурорского надзора за органами предварительного расследования. В обозначенном моменте усматривается противоречивость функций и задач прокурора, так как в случае принесения ему жалобы на действия следователя, можно предположить, что он не справился с задачей надзора над деятельностью данного следователя.

Кроме того, рассматривая процедуру обжалования решений должностных лиц в судебном порядке, следует обратить внимание на то, что круг лиц, имеющих возможность обратиться с жалобой в таком порядке, не ограничивается его процессуальным статусом. Однако есть обязательное условие – обжалуемые действия должностных лиц способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Данная категория субъективна, а это значит, что действует усмотрение судьи, ограничиваемое только законом, внутренним убеждением судьи и его совестью. Однако одновременно это может являться и почвой для вынесения незаконных решений. Так, постановлением кассационного суда установлено, что суды первой и апелляционной инстанций допустили ошибку, отказав в принятии жалобы А.Р.М., поданной в порядке ст. 125 УПК РФ. Причиной отказа стало утверждение о том, что А.Р.М. не имел статуса подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу, в рамках которого ружье было признано вещественным доказательством. Также суды посчитали, что действия начальника ОП № 3 «Центральный» Ю., связанные с хранением вещественных доказательств, не относятся к категории решений и действий (бездействия), подлежащих обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ. Кассационный суд справедливо признал эти выводы ошибочными и не основанными на законе, поскольку они ограничивают право А.Р.М. на участие в досудебном производстве по уголовному делу и затрудняют его

доступ к правосудию¹. Другой пример из судебной практики демонстрирует, как работает усмотрение суда при решении вопроса о том, способны ли решения, действия (бездействие) должностных лиц, указанных в ч. 1 ст. 125 УПК РФ, причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Так, Октябрьский районный суд г. Уфы Республики Башкортостан отказал в принятии жалобы И. на бездействие сотрудников ОП № 6 УМВД России по г. Уфа, выразившееся в ненаправлении копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, обосновав решение тем, что И. уведомлен об отказе в возбуждении уголовного дела по его заявлению, а также ему разъяснено право знакомиться с материалами проверки. Данный факт свидетельствует о том, что ущерб конституционным правам и свободам И. не причинен, доступ к правосудию не затруднен. При этом суд кассационной инстанции решение отменил, сославшись на прямое указание, предусмотренное ч. 4 ст. 148 УПК, – направлять заявителю копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Кроме того, кассационная инстанция обратила внимание на то, что сотрудник полиции, не направив копию данного постановления И., лишил последнего возможности ознакомиться с его содержанием и обжаловать в суд².

Перспективным направлением совершенствования действующего уголовно-процессуального закона ученые считают сужение круга действий и решений, которые могут быть обжалованы в судебном порядке [1, с. 93]. Кроме того, предлагается разграничить полномочия прокурора и суда. Однако, как видится, ограничение судебного контроля на досудебных стадиях приведет к снижению гарантий защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства, а потому такая мера видится недопустимой, особенно учитывая преимущественно розыскной характер досудебного производства по уголовному делу.

Зачастую восстановление нарушенных прав субъектов уголовного процесса достигается не на этапе рассмотрения их обращений в суде первой инстанции, а лишь посредством апелляционного и кассационного обжалования, что подтверждается приведенным выше при-

¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18 марта 2021 г. № 77-1007/2021. URL: <https://fparf.ru/> (дата обращения: 10.12.2025).

² Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июня 2024 г. № 77-1992/2024. URL: <https://consultant.ru/> (дата обращения: 10.12.2025).

мером. Данное обстоятельство подчеркивает значимость судебного контроля как инструмента обеспечения законности на досудебной стадии уголовного производства.

Так, апелляционным постановлением Краснодарского краевого суда было отменено постановление суда первой инстанции, которым было отказано в удовлетворении жалобы потерпевшего на решение следователя. Согласно фабуле дела в отношении неустановленного лица возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Расследование продолжалось в течение двух лет. В его ходе была применена мера в виде наложения ареста на имущество, однако срок этой меры истек, а следователь вновь ходатайство перед судом не возбуждал. Потерпевший полагал, что бездействие приведет к утрате имущества, на которое могло быть обращено взыскание в целях возмещения причиненного преступлением вреда. Суд первой инстанции в удовлетворении жалобы отказал, в то время как апелляционный суд счел выводы суда необоснованными и направил дело на новое рассмотрение¹.

Еще одним проблемным аспектом данного вопроса является несовершенство положений некоторых источников толкования права, на которые опираются суды при вынесении решений по жалобам, приносимым в порядке ст. 125 УПК РФ, что в определенных ситуациях делает бесполезным институт такого обжалования.

Так, п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1² рекомендует судьям при поступлении жалобы на действия (бездействие) или решения должностных лиц на досудебных этапах уголовного процесса установить, завершено ли предварительное расследование. Если уголовное дело уже направлено в суд для рассмотрения по существу, либо вынесен приговор или другое итоговое судебное решение, судья должен вынести постановление об отказе в принятии жалобы или о прекращении производства по ней. В таком случае заявителю следует разъяснить, что он имеет право поставить вопросы о незаконности или необоснованности действий

(бездействия) должностных лиц на досудебной стадии в рамках судебного разбирательства по уголовному делу, а также при рассмотрении дела в апелляционном или кассационном порядке. Обратившись к судебной практике, можно констатировать, что суды активно ссылаются на данное положение, оставляя подобные жалобы без удовлетворения, что не всегда является обоснованным. Так, жалоба обратившегося в Буденновский гарнизонный военный суд защитника Оганян о признании незаконным постановления следователя о возбуждении в отношении Д. уголовного дела по признакам двух преступлений, предусмотренных ч. 3.1 ст. 337 УК РФ, поскольку оно возбуждено без надлежащих повода и оснований, осталась без удовлетворения, с чем в последующем согласился суд апелляционной инстанции³. В данном случае отклонение жалобы считаем обоснованным, так как рассмотрение вопроса о признании незаконным решения о возбуждении уголовного дела автоматически ставит под сомнение доказанность виновности лица в совершении преступления. Очевидно, что доказывание виновности – прерогатива суда первой инстанции. В данном случае заявитель наделяется правом поставить перед судом вопрос о признании незаконными или необоснованными решений и действий (бездействия) должностных лиц на стадии досудебного производства в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, а также при рассмотрении дела судом апелляционной или кассационной инстанции. Представляется логичным, во избежание дублирования действий освободить суд, которому поступит подобная жалоба, не рассматривающий уголовное дело по существу, от ее разрешения.

Вместе с тем можно привести ситуации, при которых обоснование решения суда об оставлении жалобы без удовлетворения является не вполне корректным. Так, Московский городской суд оставил без удовлетворения апелляционную жалобу адвоката Чунихина о признании незаконным и необоснованным постановления следователя Г. о признании Р. потерпевшей по уголовному делу в отношении А. При этом суд свое решение обосновал двумя позициями:

1) постановление следователя о признании Р. потерпевшей не подлежит обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ, не причиняет ущерб кон-

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 28 июля 2020 г. по делу № 22К-4113/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru>.

³ Апелляционное постановление Южного окружного военного суда от 4 октября 2024 г. № 22К-809/2024 (УИД 61GV0005-01-2024-000546-51). URL: <https://consultant.ru/> (дата обращения: 20.07.2025).

ституционным правам и свободам обвиняемого А., не затрудняет ему доступ к правосудию, то есть отсутствует предмет обжалования;

2) данный вопрос подлежит исследованию в рамках рассмотрения уголовного дела по существу и не может быть разрешен в порядке ст. 125 УПК РФ.

Первая позиция представляется спорной, в первую очередь, потому, что по смыслу ст. 125 УПК РФ предметом обжалования может являться любое постановление следователя, содержащее решение, которое так или иначе способно причинить ущерб конституционным правам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Кроме того, так как введение в статус потерпевшего помимо прав наделяет лицо обязанностями (явка по вызовам к следователю для производства следственных и процессуальных действий; невозможность отказа от дачи показаний, а также от прохождения освидетельствования, экспертизы, когда его согласие не требуется), представляется, что наличие статуса будет наделять лицо чрезмерными обязанностями, исполнение которых в свою очередь может привести к нарушению его прав и свобод. Кроме того, в п. 3 и 3.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 прописаны решения, не подлежащие обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ, но при этом нет прямого указания на постановления о признании лица потерпевшим.

Вторая позиция также представляется не вполне аргументированной. В данном случае непонятно, чем руководствовался суд, указывая на то, что постановление о признании потерпевшим подлежит исследованию в рамках рассмотрения уголовного дела по существу, а жалоба не может быть разрешена в порядке ст. 125 УПК РФ. При этом факт передачи уголовного дела в суд для дальнейшего рассмотрения и принятия решения по существу не установлен. Остается неясным, какие факторы препятствуют рассмотрению жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, пока уголовное дело находится в производстве следователя. Полагаем, что подобные формулировки лишены конкретизации и не могут быть положены в обоснование судебного решения.

Стоит отметить, что причиной отказа в принятии жалобы к судебному рассмотрению нередко становится отсутствие предмета обжалования, предусмотренного положениями ст. 125 УПК. Так, суд первой инстанции отказал в принятии жалобы, мотивируя тем, что оспариваемые действия сотрудников полиции,

связанные с производством осмотра места происшествия, не относятся к предмету судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ. Суд пояснил, что осмотр места происшествия является следственным действием, направленным на сбор и закрепление доказательств, и его законность подлежит проверке исключительно при рассмотрении уголовного дела по существу. Тем не менее суд кассационной инстанции обратил внимание на то, что в ходе осмотра были изъяты личные вещи заявителя, которые не возвращены ему, при этом он не является участником возбужденного уголовного дела, расследование по которому приостановлено. В связи с этим выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что требования жалобы на незаконность действий должностных лиц по осмотру и изъятию предметов, которые не подлежат судебному контролю в порядке ст. 125 УПК РФ, были признаны необоснованными¹.

Проанализировав представленные ситуации, можно заключить, что судебные решения по итогам рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ не должны сводиться к банальной их передаче в суд, которому предстоит рассмотреть уголовное дело по существу. При принятии данного решения необходимо исходить из конкретной ситуации и учитывать следующие факторы: сущность обжалуемого решения, действия (бездействия); возможность влияния выносимого судом решения по жалобе на ход уголовного дела; какое решение по уголовному делу вынесено на момент рассмотрения жалобы; передано ли оно в суд для рассмотрения и принятия решения по существу. Также особое значение имеет правильное определение судами предмета обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ. По смыслу положений УПК РФ он не ограничивается только действиями, непосредственно влияющими на ход расследования, и распространяется на нарушения прав граждан, связанных с производством по делу (проведение следственных действий, вынесение процессуальных решений и т. д.)

Таким образом, рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования как направление судебного контроля также не лишено недостатков в части законодательной регламентации и правоприменения. Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что ст. 125 УПК РФ должна устанавливать требова-

¹ Кассационное постановление 4ККОЮ от 4 июня 2024 г. № 77-1433/2024. URL: <https://consultant.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).

ния к содержанию жалобы, а также к перечню прилагаемых к ней документов. Кроме того, следует определить порядок действий суда, на рассмотрение которого поступила жалоба, имеющая формальные или содержательные недостатки.

Библиографический список

1. Малинин В. Б. Проблемы применения ст. 125 УПК РФ // Пенитенциарная наука. 2012. № 3. С. 92–95.

References

1. Malinin V. B. Problems of application of Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Penitentiary Science. 2012. No. 3. Pp. 92–95.

Информация об авторе

Делль Дарья Александровна – кандидат юридических наук

Information about the author

Dell Daria A. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 10.09.2025;
одобрена после рецензирования 12.11.2025;
принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 10.09.2025;
approved after reviewing 12.11.2025; accepted
for publication 17.12.2025

Научная статья

УДК 343.1

Соотношение интересов пострадавшего и лица, подозреваемого в совершении преступления, при назначении и производстве пожарно-технической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела

Пантелеев Игорь Анатольевич

Уральский институт ГПС МЧС России, Екатеринбург, Россия, doc07@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ процессуальных проблем, возникающих при необходимости назначения пожарно-технической экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении, связанном с пожаром. Основное внимание уделено противоречию между законными интересами пострадавшего (потерпевшего) в быстром и полном установлении обстоятельств происшествия и процессуальными гарантиями лица, в отношении которого существуют данные о возможной причастности, но которое формально не обладает статусом подозреваемого. Автор детально исследует правовую коллизию, возникающую при использовании института неотложной судебной экспертизы, а также проблемы изъятия вещественных доказательств и обеспечения принципа состязательности и судебного контроля в условиях доследственной проверки.

Ключевые слова: пожарно-техническая экспертиза, возбуждение уголовного дела, потерпевший, подозреваемый, неотложная экспертиза, законные интересы, специалист

Для цитирования: Пантелеев И. А. Соотношение интересов пострадавшего и лица, подозреваемого в совершении преступления, при назначении и производстве пожарно-технической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела // На страже закона. 2025. № 4. С. 47–54.

Original article

The Balance of Interests of the Victim and the Person Suspected of a Crime in the Appointment and Conduct of a Fire-Technical Expertise at the Criminal Case Initiation Stage

Panteleev Igor A.

**Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of
Russia, Yekaterinburg, Russia, doc07@yandex.ru**

© Пантелеев И.А., 2025

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the procedural issues that arise when appointing a fire-technical expert examination at the investigation stage of a fire-related crime report. The focus is on the conflict between the legitimate interests of the victim (survivor) in promptly and fully establishing the circumstances of the incident and the procedural guarantees of a person suspected of possible involvement, but who is not formally a suspect. The author examines in detail the legal conflicts that arise when using the institution of an urgent forensic examination, the problems of seizing material evidence, and ensuring the adversarial principle and judicial review during pre-investigation investigations.

Keywords: fire-technical examination, initiation of criminal proceedings, victim, suspect, urgent examination, legal interests, specialist

For citation: Panteleev I. A. The Balance of Interests of the Victim and the Person Suspected of a Crime in the Appointment and Conduct of a Fire-Technical Expertise at the Criminal Case Initiation Stage // Law Enforcement. 2025. № 4. Pp. 47–54.

1. Введение

Стадия возбуждения уголовного дела представляет собой критически важный и вместе с тем наиболее уязвимый с точки зрения обеспечения прав участников этап уголовного судопроизводства. В отношении преступлений, связанных с пожарами (ст. 167, 168, 219 УК РФ¹), это противоречие проявляется особенно остро. С одной стороны, оперативное установление причины пожара, очага возгорания и механизма распространения огня является залогом успешного расследования, поскольку вещественные доказательства на месте пожара быстро изменяются и уничтожаются. С другой – действия, направленные на фиксацию и исследование этих доказательств, неизбежно затрагивают права и законные интересы лиц, которые могут быть впоследствии привлечены к ответственности.

Пожарно-техническая экспертиза (далее – ПТЭ) выступает основным инструментом получения специальных знаний в данной сфере. Законодатель, учитывая потребность в оперативности, прямо предусмотрел возможность назначения судебной экспертизы в ходе доследственной проверки в качестве неотложного следственного действия (ч. 1 ст. 144 УК РФ²). Однако практическая реализация этой нормы при производстве ПТЭ ставит сложный вопрос о соотношении двух групп интересов: публичного интереса и интереса пострадавшего в быстром раскрытии преступления и частного

интереса потенциального подозреваемого в гарантированной защите от необоснованного ограничения его прав в условиях отсутствия формального статуса.

2. Правовая природа и процессуальные риски назначения неотложной пожарно-технической экспертизы

Судебная экспертиза, получившая законодательное закрепление в ч. 1 ст. 144 УК РФ, является исключительным механизмом получения достаточных данных, содержащих признаки преступления. Ее назначение и производство до принятия решения о возбуждении уголовного дела формально легализует получение экспертного заключения, но при этом создает специфические процессуальные риски из-за существенного отличия данной процедуры от стандартного порядка, регламентированного ст. 195–207 УК РФ.

Так, по мнению Е. А. Прохоровой, «до настоящего времени сохраняется неопределенность в решении вопроса о предоставлении лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, прав, предусмотренных ст. 198 УК РФ» [1].

Назначение неотложной ПТЭ происходит по постановлению дознавателя/следователя без вынесения отдельного процессуального решения о возбуждении уголовного дела. В этой ситуации лицо, чьи права и интересы напрямую затрагиваются (владелец поврежденного или уничтоженного имущества, ответственное за пожарную безопасность лица), как правило, не привлекается к участию в процессе. Оно лишено целого ряда ключевых прав, которые возникли бы у него как у подозреваемого или

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

обвиняемого в рамках общего порядка производства судебной экспертизы: право заявлять отвод эксперту, право ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных им лиц или о производстве экспертизы в конкретном учреждении, право представлять дополнительные вопросы для получения по ним заключения эксперта (ч. 3 ст. 195 УПК РФ). Таким образом, доказательственная база по уголовному делу начинает формироваться в условиях процедурного дисбаланса, где сторона обвинения (в лице государства и пострадавшего) активно использует специальные знания, а сторона защиты фактически лишена возможности влиять на этот процесс.

Зададимся вопросом, а каковы интересы сторон в данной правовой коллизии? Ответ на него видится прежде всего в том, что пострадавший заинтересован в максимальной эффективности неотложной экспертизы как инструмента быстрой фиксации неустойчивых доказательств. Его интерес проявляется в использовании всего спектра экспертных возможностей без задержек, связанных с предоставлением гарантий неизвестному лицу. При этом потенциальный подозреваемый заинтересован в том, чтобы выводы эксперта, которые могут стать основой для подозрения или обвинения, были получены с соблюдением минимальных стандартов состязательности. Его интерес – не в блокировании экспертного исследования, а в обеспечении таких условий, которые в дальнейшем позволят оспорить выводы (например, участие своего специалиста при отборе образцов для сравнительного исследования).

3. Конфликт интересов в ключевых процессуальных действиях, сопутствующих неотложной пожарнотехнической экспертизе

Проведение ПТЭ невозможно без предварительного изъятия с места происшествия предметов и веществ в качестве потенциальных вещественных доказательств. Их собирание до возбуждения уголовного дела часто обосновывается необходимостью производства осмотра места происшествия (ч. 2 ст. 176 УПК РФ). Однако если изъятие сопряжено с процессуальным принуждением (демонтаж оборудования, вскрытие запертых помещений, не принадлежащих пострадавшему), то возникает правовая неопределенность. Требуется ли в таком случае судебное решение по правилам ст. 165 УПК РФ, если само экспертное исследование уже санкционировано как неот-

ложное процессуальное действие? Правоприменительная практика судов противоречива: некоторые судьи рассматривают процедуру изъятия как часть неотложного следственного осмотра, другие требуют отдельного судебного решения.

Особую проблему представляет процедура отбора образцов для экспертного исследования (пробы электропроводки, остатки горючесмазочных материалов), поскольку корректность и научная обоснованность отбора напрямую определяют достоверность экспертных выводов. Отсутствие при этом представителя владельца имущества создает почву для обоснованных сомнений в доброкачественности доказательств.

Как в такой ситуации соотносятся между собой интересы пострадавшего и лица, причастного к совершению преступления?

Лицо, чье имущество повреждено или уничтожено, или лицо, получившее тяжкий вред здоровью в результате нарушения требований пожарной безопасности, как правило, заинтересованы в максимально полном и быстром изъятии всех потенциально значимых объектов. Интерес потенциального подозреваемого заключается в законности изъятия следов, детальной и объективной фиксации процессуальных действий (протокол, непрерывная видеофиксация), а также реальной возможности обеспечить присутствие своего специалиста на осмотре места происшествия для последующей защиты своих интересов.

Лицо, в отношении которого проводится проверка причастности к совершению преступления, является скоротечным участником уголовного судопроизводства, поскольку его правовой статус исчерпывается тем, что дознаватель или следователь разъясняют ему минимальный набор правомочий, закрепленный в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, – право на адвоката, право не свидетельствовать против себя и других, указанных в законе лиц, а также право заявлять ходатайства. К сожалению, законодатель допустил упущение, связанное с отсутствием правомочий лица, подозреваемого в совершении преступления, при назначении и производстве судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела. Поскольку против него фактически формируется комплекс доказательств с применением специальных знаний, это прямо влияет на реализацию принципа состязательности, предполагающего равные возможности сторон с начала уголовного преследования.

Ключевым вопросом является право на уведомление и возможность участия подозреваемого лица в процедуре назначения и производства судебной экспертизы. Однако действующая редакция ст. 144 УПК РФ не обязывает дознавателя и следователя уведомлять такое лицо о назначении неотложной экспертизы. В результате защита формируется уже после получения заключения эксперта, что ставит ее в заведомо невыгодное положение при ходатайствах о повторной или дополнительной экспертизе.

Таким образом, отсутствие законодательно закрепленной обязанности уведомить заинтересованное лицо о назначении неотложной судебной экспертизы, в частности пожарно-технической, и предоставить ему возможность участия представляет собой не просто процессуальный пробел, а системный дефект, который искажает всю дальнейшую конструкцию доказывания по уголовному делу. Этот дефект проявляется на нескольких взаимосвязанных уровнях.

Во-первых, принцип состязательности предполагает, что стороны обвинения и защиты равны перед судом и обладают равными процессуальными возможностями [2]. Назначение неотложной ПТЭ по инициативе дознавателя или следователя, действующего в интересах стороны обвинения, является активным процессуальным действием по формированию доказательственной базы. Отсутствие уведомления лишает противоположную сторону (защиту) возможности каким-либо образом парировать на это действие на том же этапе. Таким образом, состязательность де-факто возникает лишь после того, как одна из сторон уже получила существенное преимущество, оформившееся в виде экспертного заключения. Это противоречит духу и цели состязательного процесса, где истина должна устанавливаться в результате противоборства равных сторон, а не одностороннего сбора обвинительных доказательств.

Во-вторых, право на защиту включает в себя возможность своевременно и эффективно оспаривать доказательства обвинения. При производстве ПТЭ ключевыми для последующей возможности оспаривания являются:

- момент и способ изъятия предметов, веществ и других следов, как потенциальных вещественных доказательств;
- корректность отбора образцов для экспертного исследования;
- полнота и исходные данные, предоставленные эксперту.

Если защита узнает о проведенной экспертизе лишь постфактум, в процессе ознакомления с уже готовым заключением, она лишена возможности повлиять на эти исходные параметры. Например, специалист со стороны защиты мог бы:

- настаивать на отборе контрольных образцов с иного места (не из предполагаемого очага);
- фиксировать состояние объекта до изъятия на свою фото-видеоаппаратуру;
- обратить внимание дознавателя или следователя и эксперта на альтернативные версии, требующие проверки (например, возможность самовозгорания конкретного материала);
- заявить ходатайство о привлечении конкретного эксперта или учреждения, обладающего специализацией в спорном вопросе.

Лишение такой возможности ставит защиту в положение «догоняющего», вынужденного не участвовать в формировании доказательства, а лишь критиковать уже готовый результат, что заведомо сложнее и менее эффективно.

В-третьих, в процессуальной деятельности наблюдается фактическое блокирование или существенное затруднение реализации права на повторную и дополнительную экспертизу (ст. 207 УПК РФ).

Это самый весомый практический аргумент. Чтобы ходатайство о повторной экспертизе было обоснованным и удовлетворенным, защита должна убедительно указать на недостатки или сомнения в выводах первичной экспертизы. Однако без участия в первоначальном процессе защита зачастую лишена информации о том, что именно могло пойти не так. Она вынуждена строить свою критику исключительно на тексте заключения, которое представляет собой итоговый, а не процессуальный документ.

Таким образом, отсутствие уведомления и права на участие не просто ставит защиту в невыгодное положение, а фундаментально подрывает саму возможность осуществления эффективной защиты на последующих стадиях. Это превращает неотложную экспертизу из процессуального действия в инструмент одностороннего формирования обвинительного уклона. Восстановление баланса требует имплементации в процедуру неотложной экспертизы (особенно такой комплексной, как ПТЭ) минимальных гарантий уведомления и предоставления возможности участия через специалиста, что соответствует конституционным принципам справедливого правосудия и позициям Конституционного Суда РФ о необхо-

димости обеспечения прав личности с самого начала уголовного преследования.

4. Правовые позиции высших судов и доктринальные подходы

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П указал, что права личности должны обеспечиваться с самого начала уголовного преследования, как только действия государства затрагивают права и свободы каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства¹.

В юридической доктрине преобладает мнение о необходимости расширения гарантий состязательности уже на стадии проверки [3]. Применительно к неотложной экспертизе предлагается распространить по аналогии закона (ст. 7 УПК РФ) основные гарантии ст. 198 УПК РФ «Права подозреваемого, обвиняемого при назначении и производстве судебной экспертизы» на лицо, чьи имущественные и личные права существенно затрагиваются производством экспертизы. Это предполагает обязанность уведомления и разъяснения права ходатайствовать об участии своего специалиста.

5. Предложения по оптимизации баланса интересов при назначении неотложной ПТЭ

Для разрешения выявленной коллизии предлагается комплекс мер, направленных на наполнение института неотложной судебной экспертизы элементами состязательности и судебного контроля.

5.1. Дифференциация порядка назначения неотложной ПТЭ в зависимости от наличия спора о праве.

Предлагается закрепить в законодательстве, включая ведомственные нормативные акты, или правоприменительной практике два варианта назначения неотложной пожарнотехнической экспертизы.

Вариант № 1. Если собственник (владелец) объекта экспертного исследования известен и не оспаривает необходимость исследования, неотложная ПТЭ назначается в общем порядке по постановлению дознавателя или следователя с обязательным уведомлением данного лица

и разъяснением ему права присутствовать при отборе образцов со своим специалистом.

Предложенный дифференцированный подход, при котором согласие собственника на исследование упрощает процедуру, но не отменяет ключевые гарантии, требует детальной процессуальной проработки. Его реализация должна обеспечивать баланс между оперативностью и соблюдением прав, предотвращая злоупотребления и обеспечивая неоспоримую допустимость полученных доказательств.

Даже если собственник (владелец) не оспаривает саму необходимость экспертизы, уведомление преследует несколько фундаментальных целей, вытекающих из принципов состязательности и права на защиту:

1) легитимация действий власти, которая превращает одностороннее действие государства в процедуру с элементами согласования, повышая ее доверительность;

2) реализация права на участие с применением по аналогии ст. 198 УПК РФ, что позволяет лицу использовать свое право на участие специалиста, которое является основной гарантией достоверности и полноты исследования на этапе отбора доказательств;

3) предотвращение будущих споров, что позволит исключить последующие заявления защиты о том, что доказательства были получены «тайно», без возможности повлиять на их формирование, укрепляя позицию обвинения в суде.

Сама процедура при отсутствии спора должна быть максимально открытой и технически оснащенной для обеспечения доверия. Специалист со стороны собственника должен иметь равные с привлекаемым дознавателем или следователем специалистом возможности, в том числе: осматривать объекты до изъятия, высказывать мнения о способе и месте отбора проб, получать идентичные образцы для возможного альтернативного исследования (если это технически возможно и не уничтожает доказательства).

Все без исключения действия по отбору, упаковке и опечатыванию образцов проводятся под непрерывной видеозаписью, которая должна фиксировать весь процесс, включая диалоги между специалистами. Это служит главной гарантией от последующих обвинений в подлоге или нарушении методики. Любые замечания или предложения специалиста со стороны собственника подлежат обязательному занесению в протокол осмотра или отдельный протокол. Отказ следователя от их учета должен быть мотивированным.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

Если уведомление не было направлено или право на участие специалиста было фактически блокировано (например, названы неверные время или место), это должно влечь за собой процессуальные последствия в части оценки допустимости доказательств и возможности восстановления права.

Суд, оценивая допустимость заключения неотложной ПТЭ по правилам ст. 75 и 88 УПК РФ, должен будет учитывать данное нарушение. Даже если собственник изначально не возражал, нарушение установленной процедуры может быть признано существенным и может привести к признанию экспертного заключения недопустимым доказательством, поскольку право на защиту было ограничено без оснований. Если нарушение выявлено до завершения экспертных исследований, суд может обязать дознавателя или следователя предоставить собственнику возможность ознакомиться с изъятыми образцами и представить свои вопросы эксперту.

Таким образом, даже в бесспорной, с точки зрения необходимости исследования, ситуации процедура назначения неотложной ПТЭ должна быть построена на принципах прозрачности, паритетности и максимальной фиксации. Это не усложняет работу, напротив, создает «иммунитет» будущего экспертного заключения от процессуальных атак защиты, повышает его доказательственную силу и соответствует конституционным стандартам правосудия, требующим уважения прав личности даже в рамках доследственной проверки. Фактическое согласие собственника должно не отменять гарантии, а делать их реализацию более оперативной и сотруднической.

Вариант № 2. Если имеет место спор (владелец возражает против изъятия, метода исследования или выбора эксперта), назначение неотложной ПТЭ должно быть разрешено судом по правилам, аналогичным ст. 165 УПК РФ. Суд в таком заседании проверяет обоснованность неотложности, соразмерность вмешательства и может установить условия, обеспечивающие права заинтересованной стороны (например, порядок доступа ее специалиста).

Предложенная модель получения судебного разрешения при возникновении спора является центральным элементом обеспечения конституционного баланса. Ее нельзя рассматривать как простую формальность; это полноценное состязательное судопроизводство на этапе доследственной проверки, целью которого является предварительная проверка обоснованности и соразмерности ограничения

прав.

Основанием для обращения дознавателя или следователя в суд является не сам факт необходимости судебной экспертизы, а возникший правовой спор между государством в лице органа предварительного расследования и частным лицом (владельцем) относительно условий ее проведения. Такой спор является административно-правовым по своей природе и требует независимого арбитра.

Основания для спора по условиям проведения судебной экспертизы могут быть следующие:

1) возражение против изъятия – владелец оспаривает законность или объем изъятия, считая его чрезмерным, несоразмерным или не связанным с установлением истины по делу (например, требует изъятия всего оборудования цеха вместо конкретного узла);

2) возражение против метода исследования – владелец или его специалист утверждают, что предложенная методика (например, разрушающий метод) неприменима или не соответствует современным научным стандартам, и предлагают альтернативную методику;

3) возражение против выбора эксперта или экспертного учреждения – участниками высказывают сомнения в компетентности, независимости или объективности конкретного эксперта / учреждения (например, ведомственная подчиненность, конфликт интересов).

Если в ходе судебного заседания стороны приходят к согласию (например, дознаватель или следователь соглашается на альтернативный метод, а владелец снимает возражения), суд утверждает согласованный порядок своим постановлением.

Отказ суда в удовлетворении ходатайства не является запретом на проведение ПТЭ вообще. Он означает, что на данном этапе в условиях возникшего спора неотложность не доказана или предлагаемые действия не соразмерны.

Должностное лицо, осуществляющее доследственную проверку, сохраняет право на возбуждение уголовного дела по имеющимся материалам и назначение экспертизы в общем порядке, где права владельца (уже формально подозреваемого или иного участника) будут защищены ст. 198 УПК РФ. Это стимулирует дознавателя и следователя к поиску компромиссных решений и тщательному обоснованию необходимости именно неотложных действий, предотвращая их использование как рутинной практики.

Таким образом, внедрение модели судебного разрешения на производство неотложной

ПТЭ при споре трансформирует ее под судебным контролем из инструмента одностороннего властного воздействия в легитимную процедуру доказательственного обеспечения. Это превращает суд в активного арбитра на самой ранней стадии, что полностью соответствует конституционной функции судебной власти и повышает общее качество и беспристрастность предварительного расследования, закладывая основы для вынесения законного и справедливого итогового решения.

5.2. Обязательное уведомление и фиксация.

В УПК РФ должна быть введена обязанность дознавателя / следователя в разумный срок уведомить лицо, чьи права напрямую и существенно затрагиваются изъятием имущества и назначением неотложной ПТЭ, если его личность установлена. Уведомление должно предоставлять возможность реализовать право на участие специалиста. Все действия по отбору и упаковке образцов должны в обязательном порядке фиксироваться на непрерывное видео, которое становится приложением к протоколу и может быть использовано в дальнейшем для оценки допустимости доказательств.

5.3. Расширительное толкование права на защиту при неотложной судебной экспертизе.

Верховному Суду РФ целесообразно дать разъяснение, что положения ч. 3 ст. 198 УПК РФ при назначении неотложной экспертизы по аналогии применяются и к лицу, в отношении которого имеются достаточные данные, указывающие на возможную причастность к преступлению. Это позволит такому лицу на стадии проверки заявлять мотивированные ходатайства о постановке дополнительных вопросов эксперту или об изменении экспертного учреждения, которые должностное лицо, осуществляющее доследственную проверку, обязано рассмотреть и разрешить.

6. Заключение

Соотношение интересов пострадавшего и потенциального подозреваемого при производстве неотложной ПТЭ в стадии возбуждения уголовного дела является моделью фундаментального противоречия между эффективностью расследования и гарантиями прав личности. Институт неотложной судебной экспертизы, формально разрешая это противоречие, создает новые риски, связанные с усеченностью процедуры и отсутствием действенных механизмов участия защиты.

Предлагаемый путь решения лежит в рационализации процедуры и имплементации элементов состязательности в институт неотложной экспертизы. Дифференциация порядка ее назначения, обязательное уведомление, видеозапись и расширительное толкование права на защиту – эти меры способны создать справедливый баланс. Они позволяют сохранить оперативность в интересах правосудия и пострадавшего, предоставив одновременно потенциальному подозреваемому минимально необходимый набор процессуальных инструментов для защиты с самого начала уголовного преследования. Такой подход соответствует требованиям ст. 6 УПК РФ, принципам справедливого судебного разбирательства и обеспечивает, чтобы доказательства, полученные на ранней стадии, были не только относимы, но и допустимы в силу соблюдения фундаментальных процессуальных гарантий.

Библиографический список

1. Прохорова Е. А. О пробелах в правовом регулировании порядка назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXVIII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Красноярск, 3–4 апреля 2025 г. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2025. С. 252–254.

2. Чеботарева И. Н. Процессуальное равенство сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 3 (61). С. 499–520.

3. Лукошкина С. В. Участие специалиста на стадии возбуждения уголовного дела: к вопросу о соблюдении принципа состязательности процесса // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22. № 3 (85). С. 260–267.

References

1. Prokhorova E. A. On Gaps in the Legal Regulation of the Procedure for Appointing and Conducting a Forensic Examination at the Stage of Initiating a Criminal Case // Current Issues in Combating Crime: Theory and Practice: Proceedings of the XXVIII International Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Krasnoyarsk, April 3–4, 2025. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. Pp. 252–254.

2. Chebotareva I. N. Procedural equality of the prosecution and defense in criminal proceedings,

Perm University Bulletin. Legal sciences. 2023, № 3 (61). Pp. 499–520.

3. Lukoshkina S. V. Participation of a specialist at the stage of initiating a criminal case: on the issue of compliance with the principle of adversarial proceedings // Academic Law Journal. 2021. Vol. 22. No. 3 (85). Pp. 260–267.

Информация об авторе

Пантелеев Игорь Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Panteleev Igor A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.11.2025;
одобрена после рецензирования 12.12.2025;
принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 10.11.2025;
approved after reviewing 12.12.2025; accepted
for publication 17.12.2025

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «НА СТРАЖЕ ЗАКОНА»

I. Требования к материалам

1. В журнале «На страже закона» могут публиковаться материалы только образовательной, научной и информационной тематики по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). Материалы, не соответствующие тематике журнала, для рассмотрения не принимаются.

2. Для публикации в журнале «На страже закона» могут представляться следующие материалы:

2.1. Научные статьи (объемом от 10 до 20 страниц печатного текста).

2.2. Информация о научных конференциях (объемом до 10 страниц печатного текста).

2.3. Научные рецензии (объемом до 5 страниц печатного текста).

2.4. Иные материалы по согласованию с редакцией.

3. Опубликование материалов осуществляется бесплатно. Авторское вознаграждение не выплачивается.

4. Материал не должен быть опубликован ранее или одновременно находиться на рассмотрении в другом издательстве.

5. При направлении материала автор гарантирует отсутствие неправомерного заимствования в рукописи произведения (плагиата), надлежащее оформление цитирования, ссылок на законодательство, судебную практику, правильность статистических, информационно-аналитических и иных данных, приведенных в рукописи.

6. Все поступающие материалы проходят проверку на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения. Текст должен иметь не менее 60 % оригинальности.

7. Поступившие материалы регистрируются. Если автор осуществляет доработку статьи по результатам рецензирования, материал регистрируется датой предоставления окончательного варианта.

8. Все поступающие материалы проходят внутреннее рецензирование.

9. Материал должен быть представлен на русском языке.

10. Направленные в редакцию материалы не возвращаются.

11. Предназначенные для опубликования материалы проходят редакторскую обработку.

12. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить:

12.1. Согласие автора на опубликование – если материал предоставляется в соавторстве, прилагаются Согласия каждого автора.

12.2. Заключение комиссии о возможности открытого опубликования (при наличии указанной комиссии в организации (учреждении), где работает или учится автор).

12.3. Подпись автора – на последнем листе автор указывает: «Материал не содержит сведений ограниченного распространения, неправомерного заимствования; вычитан; цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником» и ставит свою подпись (если материал предоставляется в соавторстве, подпись ставит каждый из авторов). Подписи заверяются печатью отдела кадров организации, в которой работает автор.

12.4. Материал на электронном оптическом носителе (или по электронной почте с указанием данных об авторе и о статье в теме письма) – имя файла – фамилия и инициалы автора.

13. Рукопись статьи должна содержать следующие элементы:

Код универсальной десятичной классификации (УДК)	Размещается на первом листе в левом верхнем углу
Рубрика	1. Теория и методология уголовно-правовых наук 2. Уголовная политика 3. Теория уголовного права и проблемы современного уголовного законодательства 4. Теория криминологии и проблемы функционирования системы предупреждения преступности и ее отдельных видов 5. Уголовный процесс и уголовное судопроизводство 6. Современное состояние и тенденции развития криминалистики. Судебная экспертиология. 7. Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права 8. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности 9. Дискуссионная трибуна 10. Трибуна молодых ученых 11. Рецензии и отзывы на научные исследования 12. Обзоры научно-представительских мероприятий 13. С юбилеем!
Тип статьи	На русском и английском языках. Для англоязычной версии в транслитерированной форме – имя и фамилию автора полностью, инициал отчества. При опубликовании статьи авторы будут указаны в порядке, приведенном в предоставленных материалах
Наименование и адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город, страна), адрес электронной почты автора, ORCID (Открытый идентификатор ученого (при наличии))	На русском и английском языках. Название организации должно соответствовать полному или сокращенному наименованию, указанному в Уставе. Сведения о месте работы (учёбы), электронные адреса, ORCID авторов указываются после имён авторов на разных строках и связываются с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений (например: Иванов Иван Иванович¹. Петров Петр Петрович². ¹ Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, III@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-0340-074X ²Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, PPP@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2342-9355). Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз
Название статьи	На русском и английском языках В заглавии должны отсутствовать аббревиатуры и формулы
Аннотация (до 250 слов)	На русском и английском языках
Ключевые слова (от 3 до 15 слов (словосочетаний))	На русском и английском языках – указываются через запятую (в конце точка не ставится)
Благодарности	На русском и английском языках.
	Слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья. Эти сведения приводятся с предшествующим словом «Благодарности:». На английском языке слова благодарности приводятся после ключевых слов на английском языке с предшествующим словом «Acknowledgments:»

Основной текст статьи	Может быть структурирован и состоять из следующих элементов: введения, текста статьи (с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и т.д.), заключения. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подразбрики. В статье могут быть использованы подстрочные примечания, которые помещаются внизу соответствующей страницы текста статьи В подстрочные ссылки выносятся описания правовых актов, иных официальных документов, судебных решений, интернет-ресурсов, содержащих справочную, статистическую информацию
Библиографический список	Располагается после текста статьи, включает записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Библиографические записи нумеруются и располагаются в порядке цитирования источников в тексте статьи. В тексте статьи в квадратных скобках указывается номер источника в Библиографическом списке, а через запятую – номер страницы (например: [6, с. 18]). Библиографический список составляют по ГОСТ Р 7.05. Дополнительно приводится на английском языке («References»). Не допускается указание в библиографическом списке «На страже закона», поскольку ссылки на журнал являются самоцитированием. За правильность приведенных в библиографическом списке данных ответственность несут авторы статьи
Информация об авторах	На русском и английском языках. Содержит учёные звания, учёные степени, другие, кроме ORCID, международные идентификационные номера авторов (например: Иванов И.И. – доктор юридических наук, профессор)
Сведения о вкладе каждого автора	На русском и английском языках. Если статья имеет несколько авторов, после фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.)
Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализация такого конфликта в случае его наличия	На русском и английском языках. Если в статье приводятся данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указываются после них (например: Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов)
Набор статьи	Производится в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman версии 2003 и выше или другом, совместимом с ним, размером шрифта – 14, межстрочным интервалом – 1,5; поля слева – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см Страницы нумеруются (кроме первой) внизу по центру. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов

14. Все материалы направляются в редакцию журнала на адрес электронной почты: ural-yui@mvd.ru. В теме письма указывается: «На страже закона».

II. Порядок приема, рассмотрения и рецензирования материалов

15. Все поступающие материалы изучаются редакционной коллегией на предмет их соответствия требованиям. Материалы, представленные с нарушением требований, не рассматриваются и не возвращаются. О принятом решении автор уведомляется по электронной почте.

16. Материалы, соответствующие предъявляемым требованиям, принимаются в работу и направляются на рецензирование.

17. Рецензирование материалов организуется редакционной коллегией и осуществляется членами редакционного совета, редакционной коллегии журнала, сотрудниками Уральского юридического института МВД России.

18. Рецензирование осуществляется квалифицированными специалистами по тематике рецензируемых материалов, имеющими в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемого материала.

19. Рецензент осуществляет рецензирование материала и представляет в редакцию журнала подписанную рецензию.

20. Рецензия должна содержать объективную оценку материала. В заключении рецензент дает одну из следующих рекомендаций:

- об опубликовании материала;
- о направлении материала на доработку (при наличии несущественных недостатков);
- об отклонении научного материала (при наличии существенных недостатков).

21. По результатам рецензирования и проверки на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения редакционная коллегия принимает решение:

- об опубликовании материала;
- о направлении материала автору на доработку;
- об отклонении материала.

22. О принятом редакционной коллегией решении автор уведомляется по электронной почте. При направлении материала на доработку, отклонении материала по электронной почте до автора доводятся недостатки, указанные рецензентом, а также результаты проверки материала на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения. Сведения о рецензенте автору не сообщаются.

23. Поступивший после доработки материал проходит повторное рецензирование и проверку на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения. По результатам повторного рецензирования коллегия принимает решение:

- об опубликовании материала;
- об отклонении материала.

О принятом решении автор уведомляется по электронной почте.

24. Материалы, по которым редакционной коллегией принято решение об опубликовании, поступают в печать.

25. Рецензии на поступившие материалы направляются авторам в электронном виде после заседания редакционного совета журнала. В целях повышения объективности рассмотрения статей, направляемых на рецензирование, редакция имеет право не сообщать рецензенту фамилию автора статьи.

26. По запросам Министерства образования и науки Российской Федерации рецензии в обязательном порядке предоставляются в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве образования и науки Российской Федерации и/или Министерство образования и науки Российской Федерации.

27. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

28. В отношении иных вопросов, связанных с приемом, рассмотрением, рецензированием и отклонением материалов, редакционная коллегия, редакция с авторами в переписку не вступают, разъяснений не представляют.

В редакцию журнала
«На страже закона»

Согласие автора*
о передаче неисключительных прав на использование произведения

(название материала)

ФИО (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Почетные звания	
Место работы, учебы (полное наименование организации), занимаемая должность	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактные телефоны	
(с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данное согласие, я,

(фамилия, имя, отчество)

гарантирую, что являюсь правообладателем исключительных прав на передаваемые в редакцию журнала «На страже закона» материалы и выражаю согласие на безвозмездной основе на издание и последующее распространение материалов в печатном виде и использование электронных копий материалов, автором которых я являюсь, в том числе право на размещение их электронной копии в базах данных, представленных в виде научных информационных ресурсов сети Интернет, право на создание электронных копий материалов, кроме того, право на извлечение метаданных (переработку) материалов и использование их для наполнения баз данных, а также право на изготовление репринтных копий.

В соответствии со ст. 160 ГК РФ я допускаю и признаю воспроизведение текста настоящего согласия и подписи на настоящем согласии с помощью использования средств механического, электронного или иного копирования собственноручной подписи и текста согласия, которые будут иметь такую же силу, как подлинная подпись или оригинальный документ. Факсимильные (электронные) копии документов действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

_____/_____
Подпись фамилия, имя, отчество
«__» _____ 20__ г.

* В случае подготовки материала в соавторстве согласие предоставляется каждым из авторов.